

НАШИ ТАМ

ОЛЕГ МАРТЫНОВ
ТОТ ЕЩЕ
КОСМОНАВТ!

Наши там (Центрполиграф)

Олег Мартынов

Тот еще космонавт!

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Мартынов О. Н.

Тот еще космонавт! / О. Н. Мартынов — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08903-8

Земляне наконец-то осуществили свою мечту – Марс покорен! Казалось бы, проводите научные исследования, изучайте, экспериментируйте, ставьте опыты. Но цель высадки отнюдь не мирная. В первую очередь – боевое задание: уничтожение расы великанов, готовящих масштабное вторжение на Землю. Необычный состав экипажа с честью выполняет труднореализуемую поставленную задачу. Однако цена, заплаченная за возможность сделать первый шаг на Красной планете, неизмеримо высока...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08903-8

© Мартынов О. Н., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	33
Глава 9	40
Часть вторая	41
Глава 1	41
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Олег Николаевич Мартынов
Тот еще космонавт!
Роман

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Мартынов О. Н., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

От автора

Герои и события романа реальны, единственное, о чем хотелось бы сказать, – действия повествования еще не начались. Произойдут они в недалеком будущем, поэтому претензии разного толка и направленности из-за временных, не наступивших коллизий приниматься не будут. Изменены лишь некоторые имена – незначительно, по просьбе специальных служб РФ. Таких как «Водоканал», ЖЭК № 11 города Кушва, «Почта России» и так далее...

Пролог

– Мама, мне страшно!

Женщина отодвинулась от края клетки, заключив в объятия девочку лет семи. – Прижми-майся ко мне, доченька, обниму тебя крепче.

В непроницаемой темноте определить, что находишься в клетке, не так уж и сложно, достаточно пройтись, держась за стенку, нащупать угол в 90 градусов, а затем вернуться к оставленному ребенку. Связанные пенькой, в руку толщиной, прутья покрывали пол тюремной камеры, теперь факт, что они заточены в темницу, был очевиден. Еще одним открытием стало то, что клетка находилась не на земле, а висела в воздухе. При ходьбе она раскачивалась, издавая противный скрип, который терялся долгим эхом под сводами помещения.

– Перестаньте ходить, не привлекайте внимания. – Неприятный мужской голос требовательно известил шепотом об излишней суете.

– Кто вы?

– Сидите, не шевелитесь, – из глубины донеслось недовольное шипение, – я сам к вам приползу.

Через минуту рука незнакомца коснулась ноги женщины.

– Нельзя издавать много звуков, нужно спокойно сидеть в тишине. Вас тоже похитили?

– Не помню ничего, проблески сознания, смутно видела странных серых существ, потом провал.

– Та же картина, а девочка ваша дочь?

– Да, ее зовут Маришей.

– Хорошее, доброе имя. Она тоже не помнит момент похищения?

– Нет, она спала, поэтому не добавит моему рассказу подробностей.

– Понимаете, я здесь уже давно, правда, счет времени потерял, знаю некоторые повадки чудовищ. Если не будем шуметь, то проживем дольше. Они обладают хорошим слухом при ничемном близоруком зрении. Моя тактика работает, поверьте.

– Не пугайте нас, пожалуйста, нам и так не по себе...

Свежий поток воздуха ворвался в клетку, прерывая диалог узников. Вдалеке вспыхнул огонек, освещая высокий и широкий вход в пещерный грот. Блики света, скользя по стене скальной породы, приближались, увеличивая озаряемое источником огня пространство, выхватывая местами необычные маски, высеченные прямо в камне. Тяжелые неторопливые шаги сопровождали движение ярких всполохов по выложенному булыжниками полу. Свет факела больно ударил по глазам отвыкших от дневного света пленников.

Через некоторое время, когда узники смогли наконец различать предметы, их взору предстал одноглазый гигант, поросший густой шерстью, который обходил по кругу огромную пещеру, зажигая исполинские черные свечи, равномерно расположенные по периметру. Грот наполнился мерцающим таинственным светом. Приблизившись вплотную к клетке, великан с интересом стал разглядывать людей, подсвечивая себе факелом. Отвратительный смрад проник за решетку, вызывая рвотные позывы. Девочка жалобно всхлипнула, сильнее прижимаясь к матери. Удовлетворив свое любопытство, гигант открыл небольшую дверцу, находящуюся внизу клетки, неуклюже просунул в нее увесистый сноп пшеницы и медленно покинул пещеру...

Сегодня Орн надеялся получить желаемое, стать избранным, мечтал, что учитель посвятит его в касту Карающих. И тогда Орн сможет отправиться на Землю Предков и принести Повелителю долгожданную жертву. Осталось пройти последнее испытание, сразиться с Клотом, единственным вернувшимся с далекой планеты. Но Клот стар, менее вынослив, полученные им в прошлом раны будут на стороне Орна.

Посыпанная песком арена готовилась к Великому Бою, великаны расположились по бокам площадки, призывая ритмичными ударами ног выйти соперников для приветствия Учителя. Взирая с высоты каменного трона, он разрешающе опустил длань, черное одеяние всколыхнулось, обнажив трехпалую кисть.

«Сын мой, наступил час обретения тобой силы, данную нашим Повелителем в незапамятные времена. – Речь Учителя всплывала в голове Орна словами, передающимися непостижимым образом на расстоянии. – Пройденное испытание укрепит твою уверенность в неотвратимости исполнения Пророчеств, стань Карающей рукой Предвечного, приготовь его Пришествие кровью павших врагов. Награда ждет тебя. – Учитель указал на качающуюся под потолком грота клетку. – Да пусть победит сильнейший!»

Клот двигался навстречу, размахивая дубиной над головой. Его уверенные движения, хватка говорили о большом опыте в подобных поединках. Немногим удавалось одолеть старого закаленного бойца, не счесть, скольких он отправил в подземное царство Повелителя. Орн отступал под натиском разъяренного, оказанным ему сопротивлением, соперника. Клот жаждал победы, его твердая поступь, умелые выпады огромной дубиной загоняли молодого циклопа к краю арены. Брызги крови, попавшие на собравшихся гигантов, взрывались в рядах этих зрителей одобрительными возгласами.

Клот, куражась, не наносил убийственного удара, давая Орну вновь подняться и продолжить бой. Сколько бы продолжалась такая игра, неизвестно, но, улучив момент, когда зарвавшийся и празднующий уже победу противник нагло повернулся спиной, показывая Учителю свою непобедимую силу, Орн нанес сокрушительный удар. Треск рвущейся плоти громом повис под сводом пещеры. Голова Клода, оторванная от туловища, выкатилась к подножию трона, уставившись на Учителя остекленевшим глазом. Тело чудовища рухнуло в мокрый от крови песок. Вырвав еще бьющееся сердце из трупа, Орн преклонил голову перед Магистром...

Часть первая

Орн

Глава 1

Санька широко распахнул форточку в кунге, пытаясь уловить пряный аромат мяты, перемешанный с животворящими молекулами свежего воздуха. Иногда так хочется раздышаться, наполнить легкие до отказа и с шумом выдохнуть накопившуюся за годы гадость, да так это сделать, чтобы факиры, выпускающие столб огня на радость собравшейся публике, сникли от зависти.

В бесхозные лихие времена будку от старого газика – гордости советского автопрома – привез Рифат, шофер экстра-класса, крановщик, бульдозерист, экскаваторщик и обладатель много еще каких рабочих титулов. Больше, конечно, его беспокоило личное душевное состояние, возможность полноценно расслабиться и отдохнуть в тишине, подальше от суетливого и вечно спешащего города, от тяжелой каждодневной работы, ворчливого и абсолютно не смыслящего в непростом водительском деле начальства.

В комплект с кунгом входили два добротных кальяна и шкатулка размером с кирпич, напичканная немислимым набором всевозможных трав и пакетиков, внешне напоминающих чайные. Порой в состоянии аффекта, особенно вечером в пятницу, ребята принимались пить чай, экспериментируя с широким травяным выбором Рифата, но уже к закату им становилось весьма нехорошо. Рифат объяснял такое необычное состояние тлетворным влиянием небезызвестной халявы, горячо любимой в самых разных слоях населения, отчего споры не утихали до сих пор, превращаясь в настоящие дебаты, доводя до исступления то одну сторону, то другую.

Автостоянка же располагалась в очень живописном месте, практически готовый пленэр для начинающих художников-баталистов. Люди, живущие в округе, естественно, были под стать местности – кремень. До сей поры старожилы помнят то прекрасное, романтическое время, когда ни дня не обходилось без перестрелок и бандитских разборок, завершавшихся, по обыкновению, карнавальным воем и цветомузыкой милицейских машин да вечно опаздывающих карет скорой помощи. Куда же без пожарных, этих славных городских огнеборцев.

Стоят теперь остовы с пустыми глазницами и взирают с некоторым укором на бывший детский сад да небольшую тенистую аллею с парочкой скамеек, и тополя со стволами в три обхвата могут лишь прошелестеть о былом величии этих райских куш.

Больше не раздадутся здесь детские радостные голоса, не вскрикнут мамочки от удивления, сплетничая с соседками, не приедет старый цыган на убогой лошаденке, без устали трезвоня в колокольчик, упрасывая поторопиться со сдачей стеклянной тары. Подобного не повторится, а войдет только черным пятном, если угодно, в анналы городской хроники утренняя суета на заднем дворе магазина «Черное амр; Белое» да рев двигателей большегрузных монстров, чей дым от несгоревшей солярки останется висеть до полудня, отравляя смрадным чадом близлежащие улицы. Эх, а пьяная брань, праздно несущаяся с парадного входа алколавки, лишь смачно дополнит в палитру и без того унылого пейзажа дешевой разбавленной серой краски. Сгинул в небытие некогда цветущий уголок нашей необъятной, могучей страны, безвозвратно сгинул! Сколько таких мест по огромной России – не счесть, в каждом городишке найдутся близнецы этой автостоянки и, конечно, похожие развалины. Великая война давно закончилась, а до сих пор приходится восстанавливать, или все-таки успеваем разрушать?

«Пятнадцать тысяч – алименты, двенадцать тысяч – отдать Олегу-камазисту. Да уж, и вправду невеселые раздумья. Не зарабатываю столько, как ни упирайся, хоть тресни». Саня

безжалостно раздавил сигарету, небрежно окидывая в зеркало свой внешний вид. Подстричься не мешало бы, вон, аж кудри завились на висках, и побриться необходимо.

– Абдурахман! – крикнул Санька сторожу. – В магазин прогуляюсь, не теряй.

Эдик, он же Абдурахман, а правильнее Абдуманап, средних лет узбек, хитрый, с проницательным, живым взглядом, служил старшим, и единственным, охранником на стоянке. Лениво прохаживаясь между грузовиками, он заглядывал с неприменной восточной мудростью под днище автомобилей. Не отменяя при этом счастливую возможность быстрого обогащения, возвращая внутри собственного эго надежду отыскать когда-нибудь нечаянно оброненный золотой слиток, хотя, может, и вполне прозаичный служебный долг, вынуждал кланяться машинам в поисках трусливых ног непрошенных гостей – воришек. Время же беспокойное, ухо остро нужно держать, да и район не из самых благополучных, скорее наоборот. Тем не менее он важно кивнул и расплылся в белоснежной улыбке:

– Много не покупай, Санька, а то шайтан заберет.

«Ага, счас, не дождетесь», – подумал тогда Саня.

Имя Эдик идеально подходило для большинства разновидностей шайтанов, особенно стояночных, и образ подходящий, не хватало только рогов, копыт и хвоста. Водители в вечернем послерабочем угаре самозабвенно утверждали, мол, видели, почти трезвыми глазами, хвост, выглядывающий из дверей будки, и рога, скрытые под тюбетейкой, а копыта, спрашивается, как рассмотришь, обувь же мешает. Верить или нет, однозначно ответить на этот вопрос было сложно, но попытки снять с Эдика сапоги хитростью предпринимались неоднократно...

Ненужные, брошенные на произвол хладнокровным строителям дома молчаливо сопровождали идущего в винную забегаловку Саню. Открытыми ладонями оконных проемов они, негодуя, требовали, в отместку за свою печальную участь, приношения кровавой ежегодной жертвы.

Глава 2

– Саня, привет!

От дверей магазина, среди постоянно снующих завсегдатаев, отделился высокий человек в красном, с улыбкой не очень пьяного, но веселого орангутана, причем абсолютный блондин, этакий альбинос, в ряду крашенных шатенов.

– А, Женька, привет!

– Нашу опять взял? – спросил участливо Женька.

– Ее, родимую, будешь, или домой торопишься? Понятно, не спешишь, значит. Сходи возьми что-нибудь закусить, ну и запить тоже, – бросил Санька в сердцах. Не любил он, когда на хвост падали беспричинно и неожиданно. Предпочитал сам быть в роли догоняющего. Финансовый коллапс в карманах – это, оказывается, не войнушка, гораздо хуже, чертовски неприятное ощущение. Пора самогон гнать, не напасешься на них, на хлебников.

– Так и полежать, может, завернуть? – отпарировал сразу передумавший поспешать Женька и стремглав кинулся в заветный магазин, опережая двух замешкавшихся на входе, некультурных типов...

Неумолимо приближалась гроза. Ветер срывал с прохожих шляпы, бейсболки, платки, оголял ножки нисколько не препятствующих природной фривольности девушек и женщин, набивал пылью глаза и рот зевак и с каждым новым порывом настойчиво заставлял людей идти спиной вперед. Буря мглою небо кроет! Вроде, четыре слова, а как точно передано, гениально просто. Вспомнить бы еще, кто написал, Горький или же Пешков. Совершенно разные люди, если подумать, а судьба одна на двоих, вот как бывает в жизни.

Догнав Саню на стоянке, Женька гордо вручил ему пол-литра недорогой газировки и небольшую пачку чипсов:

– От всей души, похоже, сегодня настоящий пир справим.

– Расфасовки крупнее не нашлось, только такая, с гулькин нос? Разобрали большие пачки голодные любители дармовщины?

– Саня, без задней мысли, что попало первое под руку, то и взял.

– Сегодня дома закусывать будешь, скупердьяй, просил же, нормальной еды купи.

– По-твоему, это не закуска? Вкусно и полезно, между прочим, жареная картошечка, порезанная для удобства на мелкие ломтики, добавлен лук и зелень, а мелким шрифтом прописаны витамины.

– Смотри, кунг горит!

Дым валил замысловатыми клубами из-под наспех сколоченной крыши, переливаясь на свету яркими цветами радуги, образовывая местами странной формы облака. Непонятный, терпкий, въедливый запах расползался по окрестностям, озорно щекоча ноздри и глаза немногих автолюбителей. Широко распахнувшаяся дверь кунга явила миру очередную порцию разноцветных, воздушных барашков, за которыми навстречу встревоженным бегущим товарищам вывалился слегка пошатывающийся, но довольный Рифат. С видом осведомленного пророка, обращающегося к заблудшей пастве, после непродолжительной паузы он наконец изрек:

– Торкает сейчас нормально.

Поведя поверх голов приблизившихся ребят решительным взглядом, он стремительными прыжками ринулся мимо них, напрямиком к старой, ржавой «газели», одиноко пригорюнившейся на окраине стоянки. Ее вместительное чрево усилиями добровольных помощников переоборудовали под самый настоящий и комфортный туалет.

Тридцать лет, еще не дряхлая старость, мило выпирающий животик, ленинская прическа со светлым будущим посередине, внимательнее, чем нужно, взгляд на рекламу наращивания волос и сомнения, изводящие бескомпромиссностью душу, подстричься обязательно когда-

нибудь под ноль. К этому возрасту Рифат подошел подготовленным и закаленным бойцом, успел обзавестись устойчивым привыканием к веществам, изменяющим сознание, не то чтобы уж совсем кардинально, закладочно. До этого, слава богу, пока не дошло, но раз в неделю внутренний противоречивый мир тракториста первого класса требовал художественной подпитки, некоего эстетического разнообразия. Управлять мощными машинами – дело не из легких, можно сказать, чересчур напряженное, на грани физического истощения, требуется отменный филигранный навык в работе с рычагами и совиная, ночная острота зрения. Не преминул он, естественно, обрасти и высокопроцентными долгами, в общем, как и положено современному мужчине в сегодняшнем пубертатном мире, а также умению читать Коран на арабском. За глаза приклеили погоняло, по-отечески называли Курикатам, не прижилась среди шоферов привнесенная извне любовь к кальяну. Очередная модная дурость, позвенит, поблестит да пройдет, сгинет безвременно, а привыкание, как ни крути, останется.

– Побегает пусть немного, может, дурь и выветрится. – Женька отважно шагнул в будку, наощупь разыскивая фанерку для раздувания шашлычных углей.

– Тройка, русская тройка! Вынеси нас, родимая, на хорошие немецкие автобаны, пожалуйста, – сказал Саня, распечатывая бутылку водки с одноименным многозначительным названием. – Наверное, Гоголь, когда писал, об этом же размышлял, как думаешь? – задумчиво кивнул на стеклянного соавтора и вычурно наполнил до краев плохо вымытые стопки.

– Были мы на автобанах германских, даже взлетали, Покрышкин целую дивизию обязал, сто самолетов почти. Толку-то, поляки пьски шлют теперь вместо колбасы, прибалты в молоко гадят и из шпрот мясо вырезают, а хохлы, те вообще очумели, из газопровода хотят смастерить салопровод, не нужен нам оккупантский газ, гнать сало начнем в Европу, на государственном уровне, с голоду не помрем и печки-буржуйки им топить будем, если понадобится, чем не топливо. – Женька непринужденно, одним рывком открыл пачку чипсов и машинально начал их поглощать, уткнувшись носом в телефон, где гнусавый голос вещал о способах приготовления домашней колбасы. Задела, видать, похабная мясоперерабатывающая промышленность польского соседа. Альбиносовские глаза затянулись истомной, непотребной поволокой, а чипсы принялись уплетаться с удвоенной скоростью.

– Хватит уничтожать закуску, Барабек, дома наешься. – Тяжелая волосатая рука Сани властно легла на распечатанную, ополовиненную пачку. – Лучше выпьем давай, бери стопку. За победу!

Таким незамысловатым, но одновременно торжественным тостом начиналась любая Санькина попойка, независимо от места, времени и окружения. Нравилась уж очень таинственная мегапауза между произнесением сакральных, не для последних поколений понятых слов и употреблением животворящей, но в то же время мертвой воды.

– Согласен, – за победу и за Гоголя, он тоже, молодец, мудрое название для водки придумал, как в воду глядел!

– Бывал я когда-то в Миргороде, Женька, вода там целебная, в детстве еще батю туда перевели. Грех Николаю Васильевичу после той водицы по-другому было писать, и про автобаны, оттудова, уверен. Потому как в школе начал без троек учиться. Женька, видел бы выражение моего отца, пятерки через четверки носил, а в Германии, где он до этого служил, с их шикарными штрассе выше троек никак не выходило. Вода, понял, она, родимая, обычное H₂O. Конечно, немного с газом, курорт, как-никак, минералы всякие. Ну, будем!

– Газ-то сланцевый?

– Откуда мне знать? Провокационные вопросы опять задаешь, шпионские, военная часть же, с детей подписку брали о неразглашении, с пяти лет. Засланцевый, сланцевый, Женька, какая разница, пей давай.

– Скажи еще, в пять лет мог расписаться? Так и представляю: склонился над тобой особист, перегаром дышит в ухо, подписывай, Саня, документ важный, а сам кобуру невзначай поправляет, умора. Сам рассказывал, письму научился только во втором классе.

– Так и есть, сроду не обманывал, во второй класс пошел, когда пять исполнилось. В Западной части войск так и было, порядок такой, чего привязался.

– В первый класс, значит, пошел с четырех? – Женька радовался от всей души незатейливому вранью друга. То он с четырех лет в первом классе, то спасает учительницу из пожара, когда главный пожарный начальник принял решение об окончании спасательной операции, то поднял самоотверженно подводную лодку из Марианской впадины, когда батя взял юного Саню, на каникулах, в дальний, суровый морской поход. Прокатила бы и на этот раз брехня, только вот Женька знал достоверно, что его отец в то далекое время служил обычным ротным пехоты.

Истошный, резкий вопль неожиданно огласил окрестности, прерывая начавшееся было пиршество. Ребята сначала не придали этому значения, полагая, что в таком районе вопли, крики, песни, да и брань матерная, давно вошли в привычку, так сказать, своеобразный кодекс чести для местного населения. Мало ли по какой причине орут люди, может, рожают или помирают...

Женька, весело опрокинув стопку в рот, тотчас заметил:

– Ого, народ перестает скучать, похоже, решил тоже потрапезничать.

В открытую дверь кунга, прытко обскакивая препятствия, неся испуганный и встревоженный Рифат, придерживая руками расстегнутые штаны. Влетев в помещение, он тут же принялся судорожно закрывать на засов дверь, при этом джинсы, повинувшись земной гравитации, слетели на пол, открыв вульгарную надпись, криво нанесенную на трусы мечтательным китайским мастером: «Моей милашке». Помятый, расхлябанный вид Рифата выражал отчаяние, граничащее с паникерством, будто на стоянку въезжал никем не приглашенный, усиленный двойной охраной кортеж американского президента, либо же он нечаянно обделал группу прикрытия и сопровождения этого гаранта, состоящих из гориллоподобных федеральных агентов национальной безопасности США, заранее неудачно спрятавшихся у стеснительной, одинокой «газели».

– Женька, держи форточку! – надрывно выкрикнул Рифат, дрожащими от испуга руками поддерживая за ремень портки. – Саня, а ты возьми лом, да быстрее же, чего встали, шевелись.

К слову, ломов в кунге находилось несколько, к какому броситься, и стоит ли вообще напрягаться, с чего бы вдруг, делать больше нечего, почему-то не хотелось браться за работу, прерывать застолье, и поэтому, немного замешкавшись, Саня резонно заметил:

– Рифат, давай выброшу кальяны, погубят же безвременно, лучше водки выпей. Ведь, не ровен час, отдубасишь нас по полной, а потом будешь стыдливо прятаться и искать неудобные оправдания.

– Санек, не до шуток, там, в окне, в доме напротив, кто-то есть, здоровый и мохнатый, может и медведь, в упор на меня смотрел.

Беззлобно рассмеявшись, Женька довольно обыденно отметил, что по-большому лучше ходить дома, а не пучить глаза на чужие окна, если жилье и заброшено давно:

– Мог бы и отвернуться, глядишь, страх и пропадет. Вспомни, Рифат, детство, если становится страшно, просто поворачиваешься к бабушке с немим укором или закрываешь глаза ладошкой. Делов-то, только, пожалуйста, не той ладошкой закрывай, которой туалетную бумагу отрываешь.

Ребята дружно заржали, как знать, куда закинет кальян, заоблачно далеко или приземлит на месте, какая блажь придет в голову по накурке. Только один Рифат не думал смеяться.

Бледный вид, спущенные штаны и мелкая, частая дрожь ясно определяли, что ему не до смеха, ситуация намного серьезнее.

– Откуда тут медведь-то, дурик? Хоть и окраина города, но заходить косолапый побойтся. Если и встречается, где-то в глухой тайге, километров за двести. Медведь – зверь умный! Просто так в город не попрется, разве голод заставит, но в конце лета совсем немыслимое дело, грибов с ягодами навалом. Рифат, прекращай пугать отдыхающих. – Саня потянулся к бутылке, смакуя в уме второй тост. Кроме как «За победу!», больше в голову хорошего не приходило, поэтому решил разнообразить предыдущий, добавив для значимости: «За Сталина!» Однако придуманный в муках и терзаниях тост неожиданно оборвался на полуслове, так и не успев стать успешным прологом для собравшихся покутить друзей. Вдалеке, где-то за стоянкой, раздался рык, зловещий и протяжный, от которого мгновенно кровь свернулась в жилах и волосы зашевелились во всевозможных местах, заодно покрывая густым холодком обильно вспотевшую спину. Почти сразу послышался громкий хруст ломающихся ветвей деревьев и оглушительный треск поваленного сухостоя.

Посерьезнев, изменившись в лице, Санька решительно двинулся к выходу, для убедительной аргументации прихватив увесистую монтировку.

– Слыхали, рядом совсем? Ну-ка, тише, кто-то крадется.

Ослепительно сверкнуло грандиозной фотовспышкой, вмиг последовал оглушительный удар грома, да такой силы, будто небеса решили, обязательно сегодня, придавить бездонной тяжестью суетливых и никчемных людишек. Ехидно ухмылявшийся в углу Женька рачительно вжался в кресло, пытаясь слиться в одно целое с невиновным в бедах человечества предметом скудной мебели, судорожно поджав ноги к подбородку. Обстановка накалялась спиралью забытой временем кухонной плитки. Выждав секунду, вынужденно выпрямляясь с подобострастного от раската грома полуприсяда, Саня уверенно шагнул в проем двери, одновременно нанося сокрушительный удар инструментом вбок, за предел видимости, чуть не задев дрожащего Рифата, бочком протискивавшегося на печку. Зачитывая вслух суры из Корана, он настойчиво взгромождался повыше, прячась за массивную трубу дымохода.

– Говорил, медведь кругами ходит.

В двух шагах, прячась за дверью, хитро поглядывая на Саню, прикрывшись полиэтиленовым пакетом от первых, тяжелых капель дождя, стоял Эдик.

– Санек, вай, дорогой, говорил же тэбэ, не пэй много, – с хохотком произнес Эдик, от удовольствия присев на корточки, – уже и драться с шайтаном начал.

Оценив сложившуюся недвусмысленную ситуацию, Санька немного расслабился, недоверчиво оглядывая радостного сторожа:

– Ходят здесь всякие, а если бы прибил?

Эдик же смеялся, увлеченно похлопывал себя по бокам:

– Вай, какой смешной, работа моя такой, важный очэн.

– Слышал крики? – Саня указал монтировкой в сторону, откуда, по его предположению, могли исходить страшные звуки.

– Шайтаны там живут, – не прекращал похлопываний Эдик, – скоро придут, выпил много, не любят, когда чрезмерно, Саню забрать, потом радоваться.

– Типун тебе на язык. – Саня сурово оборвал не в меру веселящегося охранника.

– Какая такая типун, женщина, симпатичный?

– Красивый, ага, как шайтан. Женька, хотел бы с бесами встретиться лицом к лицу, тем более поддатый?

В проеме дверей показался встревоженный, раскрасневшийся Рифат:

– Слушайте, а может, в окне и был шайтан? Мужики, как он на меня смотрел, как на закуску, клянусь. – Он прочитал на арабском языке мусульманскую молитву против нечисти, с тревогой поглядывая на одичалые дома.

Эдик с уважением окинул наружность Рифата, перестал, осекшись, глумливо улыбаться, застыв в позе курицы-наседки, собирающейся все-таки покинуть своих ненаглядных цыплят.

– Пойду к сэбэ, водка плёхо, шайтан плёхо. – Он неспешно направился к сторожевой будке, что-то бормоча под нос, с интересом разглядывая привезенную недавно на эвакуаторе разбитую редкую иномарку.

– Как-то невесело стало, да, Сань? Еще и дождь не вовремя зарядил. – Скомкав в кулак опустевшую упаковку из-под чипсов, Женька залпом допил зеленоватые остатки газировки, прицеливаясь к мусорной урне с трехочковой баскетбольной дистанции.

Саня без интереса проследил за полетом выбрасываемого мусора и тут же скомандовал:

– Домой пора, хватит, попили и поели, надеюсь, понравилось? – и выразительно достал ключ из кармана.

Ребята спорить не стали, послушно поплелись к выходу, радостное настроение исчезло, праздник не удался вовсе, еще и этот загадочный рифатовский шайтан, да и сам Рифат, перепуганный насмерть, со своими сурами, без жалости не взглянешь, курнул, называется. Сунув водку за пазуху и закрыв на амбарный замок дверь, Санька на ходу внимательно окинул взглядом пустые строения. В них что-то изменилось, вид, цвет, может, форма. Выглядели отчего-то по-другому, непривычно, и там что-то определенно было, какое-то жутковато-тихое, выжидающее, очень опасное. Чутье достаточно удачливого охотника ни разу Саню не подводило, и сейчас он спиной чувствовал провожающий тяжелый, осмысленный взгляд...

Глава 3

Дома детально обсудили с батей стояночное происшествие, изящно допив принесенную Саней початую бутылку.

– Кабан, поди, с кабанятами заплутал? – спросил отец.

– Рык не кабаний и не медвежий, не похож, слишком тяжеловат для него, в преисподней так кричат грешники, наверное, нет ассоциаций, никаких совершенно.

– Скажешь тоже, скорее из зоопарка зверь сбежал, ну тигр, возможно, или лев, а то и слон в гости пожаловал.

– Вряд ли, в новостях бы давно передали.

– Тоже верно. Нужно тогда проверить тщательно развалины. Если зверь, то, чем быстрее найдешь его, тем лучше будет для жителей, не дай бог, выйдет на охоту. Приятного мало, еще и магазин рядом, своими запахами привлекает.

Саня задумчиво сложил из закуски и столовых приборов нехитрый план местности.

– Бать, а если не зверь?

– Кто же еще, по-твоему, беглые эки? Неправдоподобно, облаву бы давно устроили, ОМОН у каждого угла понатыкали.

– Дома подозрительные, идеальное место для укрытия, местные побаиваются заходить, дороги в стороне, человек, решивший спрятаться, лучшего схрона, пожалуй, и не найдет. Зверю не резон: городской шум все-таки, стоянка опять же рядом. Не складывается у меня в голове картинка, как-нибудь и чем-нибудь, да и выдал бы себя. Непременно. Давай поохотимся?

– Сначала ружье из ментовки заberi, а потом уж устраивай сафари, умник. Сообщить куда следует нужно, без ментов, заграбастают по статье, охота в черте города запрещена, бродячих собак и то не имеешь права стрелять, – подвел итог отец. – Иди, ложись спать, завтра покалякаем...

Глава 4

Гроза бушевала непрестанно, до рассвета, не давая толком Сане уснуть. Ружье вернуть нужно было срочно, тем более срок изъятия подошел к концу. А подоплека сей истории была такова.

В городе проходил один из матчей чемпионата мира по гандболу, неслыханная радость для жителей, редко видевших спортивные мероприятия подобного масштаба. С разных концов света приехала уйма болельщиков: тут и мексиканцы в сомбреро, и африканцы только с повязкой на голове, и чопорные европейцы с неизменной искусственной улыбкой. Видимо, Эдик с них брал пример. В общем, разношерстная, цветастая толпа гостей заполонила мегаполис.

Однажды, в перерыве между соревнованиями, Саня с Женькой и Рифатом решили утолить жажду в недорогом, но модном фастфудовском ресторане. Как водится, немного засиделись за полночь, надумали вернуться домой пешком, а город радовался и призывал не ускорять шаг, то тут, то там попадались развязной троице группки интересных людей разных национальностей. Уже под утро, в Центральном парке, Саня с Женькой разговаривали бегло по португальски, а Рифат показывал нигерийцам особенности походки королевских пингвинов в Антарктиде. Наряд полиции прошел бы спокойно мимо, – иностранцы, чего с них возьмешь, перепили малость, бывает. Но Женька, как назло, неожиданно подумал, причем вслух и на неплохом русском языке: эй, как вас там, стражи порядка, в честь мирового знаменательного события доведите-ка любезно нас до дома. Неужели слабо?

Оказалось, легко и запросто машину вызвали, конечно, вежливо усадили на мягкие задние сиденья, с мигалкой довели, но только до ближайшего отделения полиции. После оформления административного правонарушения и наложения соответствующего штрафа ружье пришлось сдать участковой уполномоченной Анастасии Петровне. Правила хранения огнестрельного оружия в России обязывали поступать именно таким образом. Один случайный залет – и досвидос, любимая двустволка, запаришься потом выцарапывать из репрессивных рукавиц бюрократического государственного аппарата. Так вот, Анастасия Петровна считалась хорошим полицейским, ее уважали пересидки, но только это была баба, вдобавок с офицерскими погонами. Не забалуешь...

Наскоро позавтракав ранним утром следующего дня, Саня направился в полицию, рассчитывая незамедлительно получить назад любимое огнестрельное достояние. Сроки прошли, пора возвращать добро. Преступление и наказание свершились, истцы довольны, претензий ни у одной из сторон больше нет.

В кабинете участкового оперуполномоченного, расположенном на первом этаже женского комбинаторского общежития, Анастасия Петровна возвышалась над каким-то амбалом, чередуя обаяние красивой еще в общем-то женщины с громогласными вспышками гневного полицейского жаргона, отчего мужик то вжимался в стул, то вновь приободрялся, радостно утирая рукавом катившиеся на усы сопли.

– Кривоногов, если еще раз тронешь жену, то форма ног будет соответствовать твоей прекрасной фамилии. – Небольшой женский кулачок сжался так, отчего выступили вены, красиво дополняя на пальцах золотые инкрустированные камнями перстни. – Понял, обормот? Не шучу. Вали отсюда, не мешай работать.

– О, Санька, опять ты. Чего в такую рань приперся?

– Настасья Петровна, ну сколько можно меня вялить, ведь сезон охоты открылся, балластом ежжу в лес, водки попить да охотничьи байки послушать, люди смеются, заставляют ночью поддерживать костер. Не ребенок же.

– Ничего, Познанский, это полезно, но в меру, имею в виду попить. Может, закодировать тебя, пока не произошло непоправимое? Ладно, скажи лучше, не слыхал ли чего подозрительного или необычного, на вверенном красивой женщине участке?

Саня от внезапно заданного провокационного вопроса слегка напрягся. Неужели она решила не раздумывая записать старого охотника в соглядатаи. Откажешь – не видать тогда ружья, согласишься – тоже паскудный вариант.

– Вроде тихо везде...

– Комплименты разучился делать? Кстати, обалденно красивая женщина очень надеялась на них. Хорошо, по делу теперь, может, соседи чего рассказывают, ну не знаю, в магазине шепчутся? – наседала участковая.

– Настасья Петровна, ей-богу, лучше у бабок узнавать. На любой лавке, у подъездов, полно их сидит. Информация будет точной и развернутой. А чего случилось-то? Между прочим, выглядите сегодня помоложе, на восемнадцать.

Поведя большой грудью к просителю, она вперила черноокий пронизательный взгляд прямо в переносицу Саньке:

– Спасибо, юный Ромео. А обычно старше кажусь? Расслабься, не навязываюсь, дел много, чтобы шашни разводить, хотя доля интриги пусть присутствует. Понимаешь, нехорошо как-то стало, Санька, на участке, сказала бы даже, дело дрянь. Ладно, забирай рожок и патроны пересчитай да не забудь расписаться вот здесь, где показываю, остолоп. Надумаешь жениться – приходи, только заранее предупреди меня, марафет наведу и блузку с вырезом побольше надену. Чего рот открыл, подписывай и шуруй отсюда, пока добрая и влюбленная...

От участковой Саня выходил в самом наилучшем настроении. Заветное ружье приятно било в такт по правой части окорока, натирая истомно плечо, в предвкушении долгожданных счастливых дней, проводимых в лесу. Охота являлась единственным занятием, которое он любил по-настоящему, обожая, подходил к ней со всей ответственностью и желанием и, вне всяких сомнений, посвящал большую часть своей жизни. Верный пес Джакомо тоже любил охоту не менее страстно, чем хозяин. Вальяжно носиться по лесу и полям, оглашая радостным лаем родную тайгу, загонять обезумевшего зайчишку или выводить охотников на затерявшийся в чащобе след подраненного лося было, по сути, сродни гончому забегу в собачий рай. Счастье бежало рядом с собакой наперегонки, Саня кое-как поспеивал за ними, и в эти минуты им втроем не страшен был сам черт.

Восходящее из-за высоток солнце ярко и весело освещало утренние улочки, стараясь подмигнуть, ущипнуть и обжечь, озорно подглядывало в окна, отбрасывая на прохожих игривые всполохи, приглашая почудить и побед окурить. Долго же предаваться веселым переглядываниям не имело смысла, становилось ощутимо больно глазам, нетерпимо выжигало зрачки, а птицы знай себе щебетали несуразную чушь. Саня улыбнулся и прибавил шаг, только вчерашние события иногда сводили с его лица благодущие, настраивая на серьезный лад.

На стоянке, разобрав ружье и хорошенько смазав, Саня позвонил Женьке и Рифату, договорились вечером встретиться. Джакомо, настоящий охотничий пес, породы дратхаар, с вислыми ушами, смиренно сидел рядом, млея от запаха оружейной смазки. Правда, поводок не давал ожидаемой свободы, но лучше находиться с хозяином, готовящимся к охоте, чем сидеть дома одному в душном закрытом помещении.

Так, в счастливых заботах, и прошел день. Солнышко незаметно перемахнуло кроны вековых тополей и заговорщически подглядывало сквозь стволы. Наигравшись с людьми вдоволь, оно приготовилось прилечь на землю, подложив под себя какое-нибудь зазевавшееся облако. Вечерняя стоянка наполнялась звуками моторов, натужно ревуших после тяжелого трудового дня, и удивленными возгласами водителей, подкалывающих коллег с доброй и неизменно вежливой интонацией.

Джакомо, получив разрешение гулять, немедленно побежал обнюхивать знакомые грузовики. Конечно, зрела надежда, что кто-нибудь угостит хорошую собачку, покормит куснятиной, бросит косточку с мясом. Как правило, так и выходило, автостоянки русских городов перенасыщены щедрыми людьми. Желания сбывались с завидной точностью, полакомиться удавалось регулярно, а наевшись до отвала, можно было погонять бродячих собак, коих в избытке несложно найти в соседних подворотнях.

Тем временем ребята собрались у будки сторожа и непринужденно выслушивали анекдот, который рассказывал Эдик, увлеченно жестикулируя руками и смеясь при этом невпопад. Сильный акцент и плохое знание русского языка подвели его в очередной раз. Сочувственно отводили хмурые лица товарищи, лишь в конце рассказа недоуменно переглянулись, не совсем понимая, о чем шла речь, и, махнув на природный талант Эдика постоянно обламывать, поплелись к кунгу.

Глава 5

Медленно стемнело, тени тополей, вытягиваясь в диковинные узоры и кружева, последовательно растворялись в наступавшей мгле, теряя причудливые очертания. Джакомо не возвращался, сколько можно бегать, дай волю – сутками бы пропадал на улице.

– Жак, пора до дому, куда запропастился, варнак ушастый? – Саня начал беспокоиться.

Оставив друзей на Эдика, он неспешно почапал искать запропастившегося невесть куда пса, заглядывая в проходы между машинами, ругаясь последними словами. Жак не откликнулся на призывный клич хозяина, как будто сквозь землю провалился. Неугомонная собака. Жрет где-нибудь без спроса тухлятину, потом убирай за ним. Найду – всыплю как следует. Затянувшиеся поиски вывели к заброшенным домам. В сгущающихся сумерках они выглядели еще зловеще и пугающе, чем днем. Черные тени надежно укрывали от посторонних глаз внутренности развалин. Идти туда в такое время совсем не хотелось, но чувство долга перед Джакомо, желание наказать его за непослушание влекли Саню ближе, к этим несчастным остаткам бывшего жилья. Среди наваленных в кучу веток и различного хлама он неожиданно заметил клочок шерсти, болтающийся от ветра, на чахлам стебле. Сомнений не оставалось: Жак пробегал здесь. Вот ведь куда занесло паршивца.

– Жак, иди сюда, домой пойдем, – звал любимца Саня, озираясь по сторонам.

Краем глаза он заметил движение. Скорее вначале издаваемый перемещением шорох, а уж потом и саму быстро промелькнувшую тень. Почему Жак не идет навстречу, голос не подает? Вопросы повисли в воздухе без ответа. За Саней наблюдали, и делали это пристально. Он затылком чувствовал, что взят в прицел и находится у недоброжелателя как на ладони. Любая попытка скрыться от неведомого врага, даже просто обернуться, сразу будет пресечена, и последует неминуемый выстрел, и он прозвучал. Едва успев пригнуться, а реакцией Саню Бог не обидел, в месте, где недавно находилась его голова, со свистом пролетел кусок бетона и с оглушительным грохотом шлепнулся в нескольких шагах от стены дома, разлетаясь на фрагменты, образуя свежий слой мусора, поднимая едкую пыль. Оставаться на месте было крайне неблагоприятно. Какой зверь кидался глыбой, весом под тридцать килограммов – медведь, кабан, тигр? Слон бы, пожалуй, одолел такую массу, но в это верилось с трудом. На Урале слоны с ума не сходят, они тупо замерзают. Что-то здесь не сходилось, чего-то не хватало для полноценного пазла.

Саня, не особо задумываясь над физическими особенностями животных, решил поскорее ретироваться, со спринтерской скоростью убегая на стоянку. Ребята еще не разошлись, болтали между собой, обсуждали насущные проблемы, травя скабрзные анекдоты. Теперь хмуриться подошла очередь Эдика. Все-таки тяжело давался рожденному в глубинке братской социалистической республики великий и могучий, но он старался, а усердие должно было быть вознаграждено обязательно.

– Саня, погоди, куда с ружьем-то? – Женька спросил с тревогой. – Объясни, в чем дело.

Нервно закурив, Саня, расчехлил ствол:

– Собака пропала! Жак так долго не гуляет! Идите домой, поищу засранца, потом договорим. И знаете... в общем, какая-то ерунда. Похоже, медведь из цирка сбежал или слон, а может, и сразу вдвоем, странно другое – Жак голос не подает. Непонятно.

– Какой цирк, почему именно оттуда сбежал? – Рифат прекратил довольно улыбаться. – Отдышись давай и поподробнее расскажи. – И уже более спокойно добавил: – Главное, Саня, не волнуйся, вернется твой Жак, убежал уже и гораздо дольше шлялся. Хочешь, сейчас вместе сходим и найдем его?

Успокоиться и поговорить как следует не успели. Самая большая труба из духового оркестра, усиленная в сотни раз, басовито ударила по перепонкам, хоть закрывай уши. Невы-

носимо низкий и жуткий аккорд. Нечто среднее между львиным рыком и волчьим воем на мгновение, громогласно вторглось в городские звуки и так же внезапно исчезло, оставляя на лицах ребят красочный букет из смешанных чувств и нешуточного испуга.

– Ну, слышали, человек так не может орать. – Саня запасливо рассовывал патроны по карманам.

– На медведя тоже не похоже, – поддакнул притихший Рифат.

– Вот слон – запросто. – Женька жестом заправского дрессировщика призвал в помощь телефон, акробатически выхватив его из кармана куртки. – Даже видео есть, как по звуку, издаваемому животным, определить пол и возраст африканского слона.

– Некогда определять. – Саня несколько раз подряд подпрыгнул на месте, проверяя незатейливую амуницию, чтобы при ходьбе не звенела. – Если сейчас не найду, то утром может быть уже поздно.

– Возьмешь с собой, Сань? – спросил неуверенно Рифат. Не желал он прослыть трусливым зайцем среди стояночной братии, насмотрелись уж на бесштаные подвиги Курикатама. – Только нужно подготовиться, с голыми руками идти против самца половозрелого возраста, африканского слона, – самоубийство.

– Тогда кое-кто разумный и храбрый тоже составит компанию. Нельзя пропускать такое редкое сафари, потом можно и в Ютьюб выложить. – Женька довольно предвкушал будущую телефонную славу. – Глядишь, и соберу миллион просмотров, и явится миру новый интернет-гуру.

– Ну, лучше, конечно, быть интернет-гуру, чем специалистом по самцам, – тихо, но внятно произнес Саня. – Собирайтесь, если не страшно.

Кунг готовился к необычной спасательной операции.

– В общем, слушайте сюда. С Рифатом обходим дома по периметру, затем прочесываем их по одному. Женька – общий контроль обстановки ну и постоянная связь. Попусту не болтай в эфире, на телефоне выведи на кнопку номера полиции и скорой. Если Жака не находим, то собираемся у выхода со стоянки, решать будем, как дальше действовать. – Саня раздал друзьям по рации, надев на Женьку увесистый блок аккумуляторов, тщательно проверил работоспособность, выбивая кнопками незамысловатый пионерский марш. – А вот со шнурами и переходниками беда, придется будить Олега-камазиста, он теперь в машине живет, жена выгнала.

– Нужно аккуратно к нему вламываться, заходить только с пассажирской двери, где голова, а то он спросонья еще не поймет, кто такие, драться полезет. – Женька внезапно заинтересовался блоком питания. – Саня, постучишься к нему?

– Ноги точно на водительском сиденье? Смотрел? – Осторожно открыв дверцу автомобиля, Саня медленно заглянул в кабину.

– Ну, чего застыл? Пришел в гости – беги за водкой. – Олег-камазист в упор глядел на Саню, лежа животом вниз.

– По другому поводу тебя разбудил, дай проводов для раций, позарез надобно, у тебя видел, катушек пять валялись. С меня бутылка. – Саня поставил ногу на подножку самосвала.

– Зачем так много? – Олег, праздно спавший в кабине КамАЗа, даже не шевельнулся.

– На охоту идем, слона валить и ломать ему хобот, – ответил за всех не воспринимавший сложившуюся ситуацию всерьез Женька.

– Тогда и мне кусок принесите, если не жалко. А про шнуры спросите у Димки, если будут нужны фонари, – в верстаке лежат.

Саня продолжал наставлять ребят, проверяя ногтем остроту охотничьего ножа:

– Особое внимание к дому, который ближе к «газели». Рифат оттуда уже получил по шам, точнее, по голой заднице. Двигаться осторожно, молча, на расстоянии пять-десять метров, не выпуская из виду впереди идущего. Женька, брось телефон в ведро, с кем разговариваю? Готов часами в нем сидеть! Меня слушай и запоминай план действий.

Женька высунул язык от удовольствия, радуясь откровенно высосанной из пальца ахинее.
– Саня, это вещь, посмотри, чего говорят-то, до трех китов скоро так обратно дойдем. Ньютона жалко, получается, зря ему на башку яблоко падало.

– Женька, не отвлекайся, возьмишь вон ту монтировку, в углу, а Рифат – лом, и побольше. Дай-ка мне, сейчас еще и заострю. – Саня подошел к точилке, на ходу затягивая ремень ту же. – Если что-то пойдет не так, спокойно докладывайте по рации и не бегите, помните: звери не любят, когда к ним поворачиваются спиной. В дома заходим по одному, а не лезем враз с разных сторон, понятно? Первым идет Рифат.

– Почему это? – мгновенно отреагировал счастливый обладатель лома. – Может, Женьку запустим?

– Нельзя мне, на кого тогда переложите связь и общий контроль обстановки, операцию на грань срыва решили поставить? – парировал Женька, придав лицу самое умное выражение, какое мог состроить. – Тем более аккумуляторы тяжелые, не забраться в окно быстро.

– Рифат, идешь первым, решено. Видел ведь харю подсматривающего шайтана. Рация только на прием, в эфире тишина. Если что-нибудь заметишь, подними палец вверх, да не этот, а указательный, – с некоторой досадой сказал Санька. – И не курить! Если кричу «На пол!», значит, падаем на пол, иначе можно пулю схлопотать в большую лысую татарскую голову, ясно?

– Опять Рифат виноват, и не видел толком-то его, так, мельком, – дежурно пробубнил назначенный Саней авангард. – А вдруг и вправду шайтан?

Под нестройное, согласное мычание ребята медленно потянулись к выходу, проверяя на ходу доставшееся незамысловатое обмундирование. Скромно переминаясь с одной ноги на другую, у порога их поджидал с загадочным видом вездесущий Эдик. Вместо привычной тюбетейки голову венчала шапка-кубанка, и держалась она горделиво, только благодаря большим ушам удачливого обладателя раритета.

– Возьмите меня искат собака, – попросил новоявленный казак с улыбкой очень хитрого узбека, из-за спины которого была явлена самая настоящая сабля.

– Станичник, откель про пса проведаль, и откуда такая красота? – заржал добродушно Саня, с интересом разглядывая тонкой работы клинок. – «...поручику Малому от Государя Императора жаловано», – медленно и по слогам прочитал он различимый отрывок наградной надписи, проведя по ржавому лезвию ладонью. – Хоть бы почистил. Холодное оружие надлежит держать в чистоте и порядке.

– Сегодня родня принес, уважение, а собака много бегал, потом пропал, будка хорошо видно, – с нескрываемым лукавством сообщил Эдик, с благоговением возведя очи к небу.

– Бандюги они, родственнички твои, ограбили, поди, музей, а перед мужиками комедию разыгрываешь, – съязвил Санька. – Потому как знаю. Ну, добро, будешь в усилении с Женькой обеспечивать бесперебойную связь, только прошу, не отруби себе какой-нибудь важный для полноценной жизни орган.

– Санька, дорогой, джигиты родиться с ножом, мамой клянусь.

Караван воинов не спеша подходил к домам с противоположного, пожарного выезда стоянки. Впереди, с ломом в обнимку, дефилировал Рифат, издав издав напоминая потерявшего военную выправку фалангиста времен Александра Македонского; следом, с кошачьей поступью, крался Санька, держа ружье; чуть приотстав, шел, с гордо поднятой головой, Женька, поигрывая монтировкой и иногда с периодичностью метронома заглядывал в телефон, по-видимому сверяя извилистый стометровый маршрут с показаниями навигатора. Завершал процессию Эдик, почему-то держа обеими руками саблю наголо.

Обходить дома приходилось с жутковатым, липким ощущением. Под ногами шуршал прошлогодний мусор, норовя при случае вонзиться в подошву ржавым гвоздем, да и сюрпризный эффект граблей еще не отменили, тем более окончательно стемнело. Осторожно заглядывая в окна, Рифат умело передвигался по дебрям, ловко орудуя ломом, расчищая от рухляди

путь. Периметр оказался чист, подозрительной и заслуживающей внимания проблемки друга не заметили, а вот при входе в дом, стоящий с краю жилплощадки, произошла неприятная заминка. Пол под тяжестью Рифата с сухим грохотом проломился, и только отборная брань указывала на вполне сносное самочувствие и точное местонахождение страдальца.

– Тише, Рифат, давай сюда лом, вытащим. – Саня деловито забросил ружье за спину.

– Подвал там, и, похоже, глубокий, некоторые двери с замками, – отряхиваясь от пыли и шлепая ногами, доложил Рифат, выкарабкавшись наверх. – Видать, под склады переоборудовали, даже въезд для автомобилей есть, но снаружи он завален, не открыть, ходы широкие, свинофермовские, пройти можно, но темно только, хоть глаз выколи.

– В подвал не полезем, – отрезал Саня и на всякий случай оставил Женьку караулить у зияющей дыры. – Давай, Рифат, вперед, и не греми, а то дичь спугнешь.

Два дома проверили без приключений, не считая того недоразумения, когда Эдик, переполненный адреналином, так засадил саблю в старый шкаф, вогнав клинок по самую рукоятку, что понадобилось несколько минут, прежде чем смогли выволить его обратно. Следующий дом обходили впотьмах. Пришлось повозиться с замком на входе, кроме того, темнота, полностью вступив в права, укрыла в объятиях дальнюю часть постройки. Еще и фонари начали сдавать, периодически моргая в изнеможении тусклым электрическим глазом. В какой-то момент их пришлось выключить. Наступила зловещая тишина. С разрешения Сани охотники молчаливо прикурили, многозначительно поглядывая на вход дома.

– Готовы? – Санька вонзил свой плевок в землю по-голливудски, сквозь зубы. – Заходим. И, Рифат, давай без дури.

– Саня, знаешь же, не облажаюсь.

– Знаю, вот поэтому и говорю, без дури.

Продвигались почти бесшумно. В холле на первом этаже среди пыли четко просматривались свежие следы, уходящие на второй этаж, отпечатков различили множество, и они принадлежали человеку, это обстоятельство немного успокаивало. Саня знаками показал Эдику проверить первый этаж, а с Рифатом решили подниматься наверх. Болливудские боевики отдыхали в плане передачи эмоций и напряжения, с каким Саня поднимался по лестнице. Водя стволом то влево, то вправо, он приближался к холлу второго этажа. Очень хотелось бросить гранату, а потом уж врываться, но, как назло, в арсенале команды такого архаизма не нашлось. Казачок бы ряженный вместо сабли приволок что-нибудь посущественнее. Иногда острый лом Рифата выползал вперед, давая понять, что брат рядом, под неусыпным контролем держит ситуацию. Проверив правое крыло, ребята вернулись в холл, где поджидали Женька, не желавший пропускать интересное приключение, и кубанец, нещадно разящий саблей воображаемого врага.

– Эдик, хорош тут воздух портить, – прошептал Саня и двинулся в левую часть.

За ним последовал и Рифат, звонко чихнув.

Крайняя дверь в коридоре оказалась закрытой, причем изнутри. Призывая к тишине, Саня осторожно приблизился, внимательно прислушиваясь к издаваемым звукам.

– Там кто-то есть, – сказал он на ухо Рифату и приготовился вышибить хрупкое препятствие, одновременно показывая остальным отойти на безопасное расстояние.

Последовавший удар ногой гулко прошелся волной по вестибюлю, оканчиваясь затухающим эхом. Щас, щас, щас, ща, ас, с. Дверь с грохотом отвалилась внутрь, поднимая пыль, за которой проглядывались два небольших силуэта. Глаза у силуэтов на удивление предстали вполне человеческими, и руки, выставленные перед собой, тоже принадлежали хомо сапиенс. Единственное обстоятельство, немного смутившее ребят, – так это чрезмерная волосатость.

– Это же Лелик и Болек! – воскликнул Эдик, с чертыханием ввалившись в комнату. – Бомжи местные.

– Все не Лелик и Болек, – с нескрываемым раздражением огрызнулись лохмачи. – У нас имена имеются! Леонид и Борис.

– Братья они, из детдома. Квартиру отобрать плохой человек, теперь жить на улица. – Эдик приветственно кивнул братьям, придерживая от падения сползшую набекрень кубанку.

– Та-ак, понятно, а собаку большую здесь не видели или другого какого зверя? – спросил Саня, описывая восьмерки стволом, перед лицами бомжей, непроизвольно копируя с участковой интонацию и форму допроса. – Может, из друзей-собутельников кто рассказывал. Ответить!

Одного из маргиналов нехило затрясло.

– Ленка, успокойся, – ткнув брата в бок и попытавшись встать, сказал Борис. Но желания быть проткнутым ломом Рифата, естественно, не возникло, получилось только неэротично поерзать на месте. – Ну, допустим, тут было кое-что, нагнавшее страху. Пожалуйста, уберите ружье, иначе разговора не получится.

– Дипломат, однако, – заметил коротко Женька, включая фонарик в телефоне.

– Закурить дайте, а то молчать буду, – осмелел уже Лелик, непрестанно переводя взгляд с Саньки на брата и наоборот.

Эдик услужливо бросил початую пачку на колени Лелику и, опершись на косяк у выломанной двери, коротко кинул:

– Граница на замок, ни один блат не проскакает.

– Как же вы тут зимой живете, не холодно в морозы? – Давно привыкший к неординарным Эдиковским вводимым новшествам в обороты русской речи, Женька с интересом рассматривал окна и неприхотливое убранство жилья. – На входе замок висел. Чей?

После непродолжительной паузы, поочередно осмотрев присутствующих, жадно затянувшись и выпустив несколько колец сигаретного дыма, Лелик начал вещать:

– Костер разводим в тазике, слава богу, вот и согреваемся, но так было до поры до времени. Сперва Борька заметил, что пропали собаки, тут много бездомных водилось, но враз исчезли. Иногда отлавливали их да шашлык жарили, а замок, с хитрецей, Борька сварганил.

Саню судорожно передернуло от услышанного:

– Как сказал, отлавливали?

– Ловили, да, мясо собак от туберкулеза хорошо помогает, не знали разве? Барсуки тоже годятся, но собачки вкуснее...

– Как давно собачек не ели? – перебивая, медленно прошипел Саня.

Рифат интуитивно понял: допрос может перерасти в кровавую неуправляемую бойню, поэтому осторожно рукой отвел ружье в сторону от греха подальше, а Лелик с азартом продолжил, не обращая внимания на суровость Сани:

– Потом вороны пропали тоже почти враз и голуби куда-то подевались. Борька изловчился десятками отлавливать, ох и вкусное же мясо, даже лучше куриного, и тоже весьма полезное, но это так, для словца. Рядом, тут недалеко, есть хорошая помойка, опрятненькая такая, чистенькая, и люди не жадные, судя по выкидываемым вещам. Однажды обнаружили возле контейнеров Федора, мертвого, без ног. Подчистую оторваны, представляете? Знакомец наш замечательный человек был, умел зарядить оптимизмом, да и философ мирового масштаба, Кант в подметки не годился. Со страху и оставили там, непогребенного, ментов не решились вызывать. Стыдно очень теперь об этом рассказывать, пришить дело-то могли. Скажу лишь, что не человек его изуродовал, разодран жутко, кишки вокруг бака намотаны, как будто специально вертели, смотреть без рвоты невозможно, и крови было ужас, стены помойки забрызганы полностью, и капли, большие такие, с горошину, свисали с козырька. Как вспомню, так сердце болеть начинает, а вот позавчера ночью... – Леонид перешел на доверительный шепот: – Сюда, в комнату, заглянул глаз, да-да, во-о-от такой, не смейтесь, размером с окно, здоровый и красный, и смотрел уставившись, не мигая.

Рифат невольно поежился:

– Хочешь сказать, типа кому принадлежал глаз, такой высокий и спокойно доставал до уровня второго этажа?

– Не поверите, он огромный, – оживился Болек. – Выше крыши, вот те крест, видали его и раньше, правда, издалека, а по ночам слышим шаги, поэтому больше костры не жгем, вдруг заметит, и уйти нам некуда. Вот и ждем смертушки своей. Доберется он когда-нибудь до душ наших грешных, чую, хана скоро.

– Ладно паниковать, поди, привиделось? – с подозрением спросил Саня, не особо доверяя рассказу братцев. – Жрете всякую дрянь да собаками породистыми закусываете, живодеры. Пойдемте, братва, отсюда, ловить тут больше нехрен.

– Эй, пачка верни. – К возбужденным от собственного рассказа бомжам подошел Эдик, с особым артистизмом убирая саблю в ножны. – Курить чужой сигарета вредно, шайтан опять придет, зорко глаз смотреть будет, – подытожил допрос новоиспеченный казак и поплелся за ребятами, напевая под нос выдержки из узбекского народного эпоса.

Вереница друзей потянулась в обратный путь, полагая при этом, что есть за гранью человеческого понимания нечто не поддающееся разуму, которое неусыпно следит, оберегает и ждет на небесах, крестообразно распростерши отцовские объятия.

Глава 6

Вернувшись на стоянку, держали военный совет. Первым взял слово Женька:

– Выдумывают они. Какой-то непонятный монстр, чудовище, заглядывающее в окна, убивающее асоциальных Федоров. Бред, свихнулись они от собачатины совсем, не верю.

– Глаза их видел? – буркнул Санька. – Обычно так смотрят люди очень напуганные и отчаявшиеся.

– Ну дак есть кого пугаться, в зеркало посмотрите, – настаивал Женька, – если, допустим, Рифату в рот засунуть ствол карабина, а палец, нервничая, положить на спусковой крючок, он бы тоже не обрадовался. Хорошее настроение при таком раскладе любого оптимиста покинет, улыбнуться толком и то не получится, сведенные мышцы скул не позволят. Не верю бомжам, хоть режьте.

– Оставь мой рот в покое. – Сидевший в углу Рифат немного оживился от Женькиной тирады.

– Тише, хорош ругаться, тут другое. Такого неподдельного ужаса я давненько не встречал. Видели они наяву этого, с глазом. Почему-то мне рассказ показался правдоподобным. Слушайте, и отделаться не могу от ощущения, будто пасут постоянно, наблюдают, на спине скоро дыра образуется от любопытствующего взгляда.

– Наблюдают, ага, из космоса, со спутников, – сказал Женька и наполнил заварочный чайник. – А чем занят Александр? Не пора ли пригласить его на кружечку виски в Белый дом, пусть расскажет о делах охотничьих, как второй год лося добыть не может. Смотри лучше, опять рассказывают, как вырастить грибы на балконе, в домашних условиях. – Тыча пальцем в телефон, он переключился на более интересующую общественность тему. – Представляешь, в лес ходить не нужно, нарезал на порцию и поджарил с картошечкой. Эх, красотища!

– Косяки не забиваете, а пургу несете. Пойду в магазин, – нашарив в кармане купюру, сказал Рифат.

– Сходи проветришь, Рифат. – Вернувшись к грибной теме, Саня продолжил: – А потом грибы обрели разум и объявили Женьке войну, квартирную. Возьми ипотеку, жилец, иначе уничтожим, размножаемся спорами, рать непобедимая пополняется ежеминутно. На работу не ходишь, отбиваешься от новых хозяев квартиры, закрывая плотно двери и окна, но они сделали вылазку через туалет и зашли в тыл вездесущей грибницей. Война проиграна, пиши пропало, доверенность на жилплощадь, и в туалет не пробиться, там дамочковым мечом висит ипотечный договор на двадцать пять лет.

– Элементарное решение житейских проблем цинично превратил в обременительный финансовый документ, чего и следовало ожидать, – вяло сказал Женька.

– Напиток прибыл, соскучились. – Улыбаясь, в кунг вошел, груженный различными бутылками, Рифат. – Сегодня пью за компанию, заметьте, без кальяна, Саня, чего молчишь.

– На приходе он, обрадовался. Думали, водка и Рифат – вещи несовместимые. – Давясь от смеха, Женька глазами указал на чайник с дурман-травой. – Саня, отомри.

– Он тяпнул оттуда, много? Надолго, значит, завис, нужно на трезвую голову подумать. Женька кальян только помешает.

– Согласен на троих, две бутылки водки даже в обществе трезвости приемлемая доза.

В кунг ввалился Эдик, бряцая по-гусарски саблей, держа в руках полный котелок плова:

– Аллах послал...

За окном ночь набирала силу, проникая в каждый закуток стояночного пространства.

– Ребята хорошие. – Эдик размашисто перемешал наваристый плов. – На родине не мешать, но здесь так делать. Знаю их давно, жизнь не сахара, сами выбрать такой дорожка, не замечал, чтобы так врать некрасиво.

– Странная история, – вставил Рифат. – Спокойно жизнь протекала в районе, работали, любили, по гостям ходили, а сейчас сплошные недоразумения и непонятки. Глянь-ка, зашевелился вроде.

– За победу! – Спустившийся наконец на землю Саня залпом опрокинул стопку. – А лося, Женька, я добуду обязательно, не денется дальше леса.

– Лосиный бог поведал, дату назвал, когда? В заварнике, кстати, чуть осталось. – Женька еле сдерживался, чтобы не упасть от хохота.

– Тебе только бы поржать. А меня беспокоит чувство, не могу избавиться от мысли, что нас рассматривают будто в бинокль. Хотите – верьте или нет, но не покидает ощущение, которое сродни охоте, тот же азарт, тревога, адреналин. И подглядывают, целенаправленно ведут наблюдение, гарантию даю. Если зверь, то умный шибко для животного. Человек – так, спрашивается, зачем прятаться? Думаю, ответ найдется, дай бог, чтобы обошлось по-доброму и чтобы Жак нашелся, не мог он так бесследно исчезнуть.

– Выпей, Саня, еще стопку. Сожрали Джакомо, братцы, к бабушке не ходи. Не найдем, бесполезно, – с набитым пловом ртом сказал Женька.

– Найдем, жив он, сердцем чувствую.

Нехотя спорили, пока вторая «Тройка» не опустела до дна. Собираясь по домам, выключили телевизор, где с успехом шла программа, показывающая активных пенсионеров...

– Ну, мужики, прощаемся. – Крепкие рукопожатия Сани не оставляли выбора. – Пир закончен, пора и на боковую, впереди тяжелый день. Завтра созвонимся и решим, как поступим дальше.

Короткий гул сдержанных голосов донесся в ответ, приятели гурьбой двинулись на выход. Неожиданно гул повторился, а затем раздался страшный по силе душераздирающий вопль, в ночной тишине особенно звучащий безысходно и драматично. Непродолжительно, зависнув в воздухе, постепенно сошел на нет и исчез, вновь уступая владения ночному спокойствию.

– Это в домах. – Рифат, пьяно качнувшись, указал рукой на развалины.

– Молодежь бесится. Дело было вечером, делать было нечего, – отреагировал Женька. – Сейчас еще и музыку врубят, а потом поедут за пивом, на машинах и мотоциклах без глушителя, праздновать повышение пенсионного возраста.

Санька, лишь один, приостановившись, заметил в проеме между домами черную скалу, передвигающуюся повадками матерого зверя, бесшумно и мягко, с дьявольской легкостью. Зрелище завораживало, но оказалось мимолетным, отчего можно было принять его за видение, мираж.

– Саня, пойдем! – крикнул Женька, помахав на прощание Эдику. – Чего встал, как вкопанный?

Перекрестившись и мотнув головой, Саня побрел к выходу, то и дело посматривая на притихшие дома. Эдик больше не улыбался, а грустно стоял у будки сторожа, изредка кивая удаляющимся друзьям.

Глава 7

На работу идти не хотелось, но, переборов утреннюю лень, Саня рывком встал с кровати, потянулся на кухню. «Если чайник горячий, то выпью кофе, если нет, то пойду курить». Победителем в этой схватке века оказалась пачка сигарет. Производители табачных изделий уважительно поклонились в заокеанских кабинетах, а еле теплый чайник обиженно отвернулся носиком к стене.

Пасмурная и зябкая погода очистила улицы от прохожих. В магазине Саню привлек разговор стоявших в очереди двух дородных женщин:

– Не первые это убийства, неделю назад целую семью цыган положили, а семьи у них большие, человек по тридцать. Полиция без усталости там ковыряется, преступников так и не нашли, думаю, маньяк объявился, серийный.

– Господи, тридцать человек, каким же извергом нужно родиться, чтобы так, и дети, наверное, были?

– В основном одни ребятишки...

Кое-как отстояв в очереди, Саня направился к стоянке. Вид, открывшийся перед ним, не понравился сразу. Три полицейские машины и куча любопытствующего народа окружили будку сторожа, слышались плач и стенания, недовольные окрики полиции:

– Разойдись, говорю, куда прете?

– Жених, привет! – Из толпы вынырнула Анастасия Петровна, ловко орудуя локтями. –

На работу, наверное, собрался?

– Надо ехать, без работы нельзя. – Саня с надеждой посмотрел на грузовик.

– Не торопись пока и кунг открой, глянуть хочу. – Участковая жестко посмотрела Сашке в глаза, рефлекторно потирая локти.

– Случилось чего? – С каким-то безразличием он задал вопрос в пустоту.

В просвете между оцеплением лежал накрытый тряпкой предмет, очень похожий на голову. На чью? Саня аж вспотел:

– Эдик, охранник?

Анастасия Петровна кивнула и, взяв Саню под руку, повела к будке.

– Сашок, где был с десяти часов вечера вчерашнего дня до пяти утра? Правильно, дома, а мог бы скрасить вечер прекрасной даме. – Сама же и отвечала, четко ставя ногу, пытаясь попасть с Саней в шаг. – Спал, ага, и подтвердить могут родители. Мо-ло-дец!

– Подозреваете, так и скажите, – нервно сказал Саня, открывая неподатливый замок.

– Суженый-ряженный, не зли меня. Собутельника твоего, запомнила опять, Эдика, расчленили. Видел, башка валяется, а тебе хоть бы хны. Спокойный ты чересчур. Статью назвать?

– Он не пил, вера не позволяла, а ушел в двенадцать.

– В полночь, говоришь, а христианская вера разве позволяет бухать круглосуточно, милый?

– Не возбраняется разговеться иногда, по праздникам.

– Зубы не заговаривай, набожный нашелся, прижми задницу на стул и помалкивай.

Анастасия Петровна по-хозяйски открыла шкаф, не выпуская из поля зрения Саню:

– Проломлена стена с торца будки, а внутри кишмиш, чуть сознание не потеряла, пришел бы пораньше – упала, лишившись чувств, в объятия будущего мужа. Пили вчера? Когда же она, горькая, вам надоест? Не тужься, по глазам вижу, заливали литрами в хайло...

– Какие литры, посидели немного, как от бомжей пришли, потом разошлись.

– Какие бомжи? – не дала закончить участковая. – Откуда пришли?

– Вон, в тех развалинах, Леликом и Болеком зовут, – показал Саня на злосчастные дома.

– Какие еще Лелик и Болек? Саня, друг любезный, завязывай с выпивкой, а то еще, не ровен час, подружишься с Геной, а потом и Чебурашка втихаря подгробет... Ну, говори громче! – рывкнула в прохрипевшую рацию Настасья Петровна. – Какая сабля? Сдурели совсем! Руку с саблей? Еще интереснее, сейчас подойду. Так, говоришь, в этих домах? – вновь обратилась Петровна к Сане, указывая направление туго обтянутой форменным кителем тяжелой лосевой грудью.

– Это два брата, бомжи, Леонид и Борис, Эдик прозвал их Леликом и Болеком.

– Ну-ну, закрывай богадельню, пойдем подышим воздухом.

По дороге пришлось рассказать о Рифате с Женькой, про поход в царство маргиналов, о том, как Джакомо пропал, как ходили ночью искать собаку сообщца.

– Стой здесь и не вздумай слинять, а то колено прострелю, любя конечно. – Участковая на корню пресекла Санькину попытку ретироваться поближе к грузовику и решительно направилась к кучке отдельно стоявших полицейских.

Саня от нечего делать начал слоняться вокруг будки сторожа. С ее торца полностью отсутствовала стена, лестница была продавлена в нескольких местах, даже опоры загнулись вовнутрь. За невеселыми раздумьями и застала его быстро вернувшаяся раскрасневшаяся участковая:

– Саня, бомжедуг, какая сабля была у сторожа? Может быть, антиквариат?

– Он рассказывал, мол, родственники подарили, а кто конкретно, не знаю, вон сколько родни, опрашивайте.

– Опросим обязательно, некоторых допросим и с пристрастием. Пяять умеешь, муженек?

Саня, не красней, не идет тебе, об алиби лучше думай. А мужик-то до конца стоял, да силы, похоже, не равны, – вслух подумала Анастасия Петровна и распорядилась: – Кравченко, всех родственников и праздно шатающихся в автобус, он сейчас подойдет, отвезешь в отделение, капитану Маркову.

Повернувшись к Сане, мягко его подтолкнула:

– Пойдем навестим твоих мультяшных друзей. Представить в детстве не могла, что Лелик и Болек, когда вырастут, станут бомжами, и я буду допрашивать их об убийстве, – прыснула от собственных слов участковая и ускорила шаг.

Идти предстояло недалеко, но за это время в Саниной голове пронесся миллион мыслей. Эдика по-настоящему было жалко, поговаривали, что он многим помогал, занять до полочки не отказывал, не говоря о земляках, которые с утра и до вечера тянулись в сторожку в надежде обрести помощь. Пусть земля будет ему пухом! Завернув за угол почти у самого подъезда разрушенного дома, Саня понял, что мир чудес и грез Уолта Диснея превратился в отборный ужас Альфреда Хичкока. В комнате, где обитали братья, в стене зияла огромная дыра. На земле валялись обломки этой самой стены с торчащей из-под нее ногой в кроссовке.

– Семеныч, тут, похоже, еще одно убийство. Как закончите, подтягивайтесь к развалинам. – Настасья Петровна встряхнула рацию, в ответ непонятно булькнуло. – Откуда, не знаю, кто, черт, не слышу, нога торчит по колено! – Она проорала последние фразы. – Так, может, за коленом и нет тела, ага, до связи. Саня, давай иди вперед, все-таки понравившуюся женщину нужно оберегать! – скомандовала Настасья Петровна, рукой приглашая в дом, на всякий случай расстегнув кобуру.

Деревянные лестницы пролетов скрипели жалобно и тонко. Прошла целая вечность, пока поднимались на второй этаж, а за углом ждала неизвестность со многими неудобными вопросами. Дверь в комнату братьев оказалась нараспашку открыта. После вчерашнего налета ее успели посадить на петли, но как-то однобоко, отчего вид двери был жалок и ненадежен, малейшее дуновение сквозняка вызывало зловещий и протяжный скрип. Посередине комнаты лежало тело Бориса, с выколотыми глазами. В неестественной позе, с запрокинутой за голову рукой, отсутствовала часть туловища, от подмышки до бедра...

– Не трогай тут похотливыми ручками улики и не шлепай понапрасну. Чего такой бледный? Эти касатики уже девятые по счету за два месяца. Они, Лелик и Болек? – Настасья Петровна присела на корточки у проема, юбка бесстыдно задралась.

– Вроде это Борис. – Саня старался меньше смотреть в пустые глазницы. – Хотя без сноровки и не отличишь, заросшие оба.

– Ладно, пойдем вниз, подозреваемый. Разберутся тут как-нибудь и без нас. Заодно и расскажешь, зачем сюда приходили, за каким, так сказать, хреном, ага. – Петровна опять вперила пронизательно красивые глазки в Санькины опухшие, подпорченные похмельным синдромом. – Пойдем, голубчик, поворкуем.

– Понимаете, Настасья Петровна, тут такое творится, сначала убежала собака, Жак, мы пошли его искать.

– Санька, покорооче излагай мысли, – мягко перебила участковая. – У попа была собака, он ее любил. Если бы признавался в любви таким макарон, то я из ЗАГСа сбежала бы не раздумывая. По сути проблемы давай, только важное.

– В общем, они, – Саня кивнул в сторону обломков с ногой, – рассказывали, что видели чудовище огромного роста. Оно в окно к ним заглядывало. У страха глаза, конечно, велики, возможно, им просто почудилось, но напугались очень сильно, еще говорили, бродячие собаки исчезли и птицы.

– Она съела кусок мяса, он ее убил. Саня, захочешь в полиции работать – с таким подходом одними висяками обростешь. Мысли есть еще, нормальные, имею в виду?

– Так думаю, что встретиться с ним посчастливилось только Эдику и братцам, вот, – завершил сбивчиво предположение Саня.

– Очень дельные мысли, Эпикур. Ходит чудовище по городу, убивает кучу народу, а полиция никак не может выйти на след. С Рифатом еще поговорю, и без кальяна, а тебе, Саня, еще раз повторяю: завязывай давай с питием. Дурдом всегда рад встретить своих героев, не забывай. – Она прикурила сигарету, смачно выдохнув и без того полной грудью. – Нужно будет – вызову. Езжай на работу, не прощаюсь, и да, Женька место жительства не поменял?

– Угу, все заказы профукал...

Закончить незамысловатую фразу не удалось, телефонный звонок выдал несурзную мелодию, это был как раз Женька. Саня виновато покосился на участковую, но той уже не было никакого дела до отработанного материала, ее больше привлекал подъезжающий полицейский наряд...

Ребята договорились встретиться у Сани дома. Кратко обрисовав сложившуюся парадоксальную ситуацию, делая акцент на взаимоотношениях с полицией, мол, они в этом случае не помощники, а наоборот, могут начать вставлять палки в колеса, Санька предложил самим вычислить и поймать то ли зверя, то ли человека со звериной душой. Кислый вид друзей не обнадеживал, Рифат ушел в Коран на арабском, перебирая четки, Женька, как обычно, вперился в экран телефона. Бодрый голос на плохом русском языке уверял и клялся, что их обуви не будет сноса, подошва сама воспроизводится за счет трения. Китайские наноразработчики получили за это изобретение Нобелевскую премию мира.

– Женька, отвлекись, – обратился Саня к другу, – хоть иногда спросил бы у телефона, за какое достижение в этом году давали Нобелевскую премию мира и кому? Сдается мне, группы молодых китайских специалистов-сапожников там и в помине не было. Эта же премия вручается только за вклад в дело мира, а не за технические открытия.

– Знаешь, Сань, не ровно дышит Анастасия Петровна к некоторым охотникам. Звонила сегодня, достала в доску.

– К премии мира отношения не имеет, о чем спрашивала?

– Где был ночью, у кого, бухал или нет? Стандартные вопросы задавала. Слушай, а как заворачивает, только представь, возможность побывать в будущем, где обувь летающая, встал

так поутру, потянулся, залез в домашние тапочки, вышел на балкон и херакс, полетел за пивом, прямо в пижаме, заодно и покурил на лету. Чем не вклад за спокойствие на планете? Люди не воюют, когда идут за пивом. – Женька улыбнулся.

– Нужно кому-то устроиться сторожем на стоянку, там и делать засаду, – задумчиво прервал футуристический диалог Рифат и тут же добавил: – Чего смотрите? На работе сейчас аврал, не отпустят меня, разве только ночью, пас поэтому, даже не рассчитывайте.

– Тоже не могу, завал полный, сети тянем по новому заказу, а это минимум месяца два. За это время полгорода могут перерезать, – тут же самоустранился Женька.

– Блин, один я, получается, ничем не занят? – задал законный вопрос Санька. – Ладно. Сработает засада или нет, неизвестно. С чего бы он вдруг припрется?

– За Эдиком же пришел. – Женька увлеченно играл, резко нажимая на экран телефона. – А если его заманить дармовой едой? – Он на мгновение оторвался от игрушки, смачно облизнув губы.

– Кто же ей будет, по-твоему, я? – Саня нервно утюжил шагами комнату. – Задумка, наверное, и неплоха, но быть съеденным в самом расцвете сил почему-то не хочется.

– Каждый охотник должен быть готов к тому, что его, рано или поздно, съедят голодные звери. Это, Саня, месть такая, природная. Ты их, они тебя! – Женька философски поднял ненужный для игры палец.

– Нужно достать крови. Они, звери, ее за километр чувят, обязательно придет, тут его и прихлопнем. О! Осенило, я бараньей крови привезу. Знаю, где взять, праздник же Курбан-байрам на носу. – Рифат остался доволен своей задумкой.

– Завтра тогда и начнем! – подвел итог прениям Саня, устало присев наконец на диван.

Рекогносцировку проводили по устоявшимся правилам военного искусства. План был таков: Саня сидит с ружьем в будке, Женька с монтировкой – под одним из грузовиков, а Рифат с копьем – в кунге. Получался своеобразный равнобедренный треугольник, местность с любого места хорошо просматривалась, при необходимости можно было не пользоваться рациями, друг друга различили бы даже ночью. Рифат, как и обещал, привез двадцатилитровую канистру крови. Выполняя мистический киношный ритуал, помолившись, с серьезным видом обошел стоянку и густо оросил все вокруг ярко-красной кисточкой. Опустевшее ведро хотел поставить поближе к Сане, но тому подобное соседство не нравилось совершенно. Выход был найден: решили оставить емкость при въезде на стоянку.

Устроиться сторожем не составило особого труда. Хозяин стоянки сам сидел ночами, и это ему, похоже, изрядно надоело, поэтому Санино предложение он встретил с великой кавказской радостью, чуть не кинулся исполнять танец с ножами. Сторожевую будку заменили на строительный вагончик, поставили на бетонные блоки, лестницу вновь сварили, укрепив несколькими уголками, стоянку обнесли колючей проволокой. Некоторые водители интересовались, для каких целей предназначено ведро, другие, по-простому, крутили пальцем у виска, с ехидцей наблюдая, как Рифат, шаманя, обходил стоянку с эмалированным сосудом под мышкой.

Саня, не теряя времени, привез из деревни пса-малолетку, с грустью отмечая, как тот неуклюже пытался снять через голову ошейник. Привязываться душой к нему не хотелось, пес же чутьем угадывал настроение нового хозяина, его тоску и поэтому со смирением выполнял подаваемые команды, неумело и невпопад, стараясь предугадать любое желание.

Каждую ночь бойцы со всей ответственностью несли нелегкую вахту. Пару раз возникали забавные случаи, когда Тамерлан – так назвал пса Рифат – с лаем и визгом прятался под будку, тем самым вызывая панику, но это была ложная тревога, серьезных и подозрительных событий не происходило. Ребята даже начали роптать, обвиняя Саню в излишней дисциплине, тяжело им приходилось после работы сидеть ночью в засаде в ожидании неизвестно чего. Но Санька жестко пресекал малейшие поползновения спрыгнуть с этого ответственного меро-

приятня, виновные и уличенные во сне подвергались жесточайшей обструкции. Крепко спал только Женька, завернувшись в тулуп, имея вместо неба карданный вал грузовика. Замучив донельзя телефон, он предавался сладким грезам, самозабвенно похрапывая громче музыки, раздававшейся из кунга. Конечно, совесть у него иногда просыпалась, и тогда приходилось зорко всматриваться в окрестности, при этом не забывая, однако, отслеживать прошедшие выпуски программы «Военная тайна», а наутро удивлять спешащих на работу водителей новым пониманием мироздания.

Как-то утром возбужденный Женька перед уходом на работу с жаром выдал Сане, что в одной из передач по телевидению рассказывали о великанах, исполинах, циклопах, нефелимах и прочей нечисти, обитавших на Земле в доисторические времена.

– Они ведь тоже люди, но очень большого роста, непонятно только, бесы ли участвовали в их рождении, или люди согрешили, не важно. Занимательнее другое: жрать очень хотели, и много, ну и перешли на людей. Короче, полный беспредел учиняли изверги.

– Сам-то когда-нибудь тоже меня схавашь, закуску съедаешь еще до открытия бутылки, – поглаживая Тамерлана, сострил Саня, а через секунду добавил: – Как бы в нашем случае не оказался похожий монстр.

– Не-е, это исключено, они в потопах погибли. Ной, когда строил ковчег, выслушивал издевательства разные от них и насмешки. Тихой сапой таскал бревна, не попадаясь им на глаза, веруя, что бог спасет и от воды, и от великанов. – Женька достал из кармана яблоко и с хрустом откусил половину.

– Ты там был и мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. – Саня повел резвящегося Тамерлана покормить. – Конечно, ученые доказывают с пеной в устах, что человек произошел от обезьяны, кроме Женьки, естественно. – Убирая миску от щенка, Саня плутовато глянул на друга. – Женька – напрямую из бактерии, но повествование Библии мне все-таки ближе по натуре, в родственниках иметь примата как-то не с руки.

– Наука, значит, не указ? Посмотрите на него, обезьянами брезгует. – Женька искал, куда бы запулить огрызок съеденного яблока.

– Урна есть! Понимаешь, славный потомок одноклеточных, наука, в большей ее части, ищет только способы умирщвления человекообразных, массово и быстро.

Глава 8

Подошла к завершению рабочая неделя. В пятницу, в день водителя, настроение и расслабленность ребят достигли апогея. Женька пришел с работы уже подшофе, пьяно лыбясь, он норовил надеть наушники на Рифата, уверяя его в необходимости послушать нетленные хиты Адриано Челентано:

– Вылитый ты, Рифат! В наушниках, если не отвлекаться, то при разговоре, когда открываешь рот, кажется, будто поешь его голосом, и жестикуляция итальянская, сплошная комедия дель арте.

– Отвянь, белобрысый. Заняться нечем? – Суетливо крутясь около кальяна, Рифат не обращал внимания на Женькины развлечения, а подошедшему Сане недовольно заявил: – Саня, ну сколько можно тут сидеть?

– Придет не придет, так и жизнь мимо пройдет, – речитативом произнес Женька, несколько смутившись под суровым Саниным взглядом. – Давай по «Тройке», мигом сбегая, и жизнь засверкает новыми красками. Службу солдатскую опять же тянуть будет легче.

– Валяйте, – сдался Саня, с досады переломив сигарету пополам. – Только, как стемнеет, расходимся по местам.

К полуночи празднующий шоферский люд разбежался по домам. Одних ждали неудовлетворенные жены со сковородой или скалкой в руках, других – сытый ужин и теплая постель, третьих – только голодная собака или кошка. Время текло по привычному руслу, невзирая на людей и их ничемные проблемы.

Саня незаметно задремал, сломленный парами алкоголя, так и не успев проверить посты, а сон оказался более чем странный. Снилось ему, что в Государственной думе произошел сантехнический апокалипсис. Прорвало канализационную трубу на верхнем этаже, прямо над залом заседаний. Самоотверженный бросок бригады сантехников только усугубил ситуацию. Временно остановив поток низвергающейся лавы дерьма в одном месте, они создали переизбыток давления в другом. Позже на экстренно собранном совещании выяснилось, что, по предварительным подсчетам, произошло семь мощнейших сбросов, реальная же обстановка не поддавалась анализу.

Каловые массы, вырвавшись на оперативный простор, радостно бурля и хлюпая, заполняли проходы и рабочие места депутатов, заливали даже кнопки для голосования, скрывая мониторы и недавно полученные результаты. Вонючая вакханалия продолжалась ровно два дня. Именно в эти напряженные для законодательной власти дни, по мнению ведущих политологов страны, и был принят ряд антинародных законов, отменять которые не стали, решили побережь здоровье народных избранников, вновь уповая на терпеливость и понимание населения. По результатам проведенного расследования сел на два с половиной года в колонию только начальник сантехников...

– Саня, полундра, он здесь! – Рация надрывалась голосом не на шутку встревоженного Женьки.

Еще не до конца проснувшись, Саня деловито переложил ружье с одной руки в другую, медленно открыл правый глаз, оценивая пространство, и шепотом выдал в эфир:

– Еще не вижу, но всем – тихо!

Охота вступала в динамичную первую фазу.

– Женька, замри, не отвечивай! – Саня взял ружье наизготовку.

Число фонарей на стоянке после реновации многократно увеличилось, но мрачность места и неправильное расположение приборов освещения оставляли врагу множество лазеек, шансы прокрасться незамеченным были невероятно высоки. Под грузовиком, где Женька усердно изображал лежачую статую, тьма казалась наиболее густой и вязкой.

Деревья гулко завибрировали, будто неожиданный ураганный шквал застал их за непотребным занятием, затем изогнулись, освобождая кому-то путь, того и гляди, переломятся, и резко отпрянули обратно, с шумом ломая ветки. Тамерлан невнятно гавкнул и жалобно заскулил, пятясь от увиденного кошмара. Редкие световые блики выхватили из ночи вышедшего на стоянку гиганта, единственный глаз которого жадно шарил по сторонам в поисках удобной и легкой добычи, густая шерсть чудовища устрашающе развевалась на ветру, покрывая огромное тело с головы до пят. В мгновение ока оставленное ведро с кровью было подхвачено рукой и незамедлительно пропало в огромном зеве, прогремел зловещий, торжествующий рев. Сомнений больше не оставалось: это тот самый зверь, тот людоед, который отправил Эдика к праотцам.

– Рифат, приготовься, это он, сейчас начнем! – без надрыва приказал Саня, но страх безжалостно побежал под кожей мурашками.

Чудовище остановилось у грузовика, под которым лежал притихший Женька. Внимательно прислушиваясь к звукам ночной стоянки, великан ошалело вращал глазом. Ноздри верзилы раздувались, он периодически задирает голову вверх, вылавливая и вычлняя нужные запахи, мотал головой. Женька из последних сил не подавал признаков жизни, перед ним буквально в метре находились ноги исполина, огромные и безобразные, с забытыми грязью порами, покрытые густой растительностью. Укусить за палец значит подписать себе смертный приговор, а жить хотелось долго и счастливо. Эх, как бы пригодились сейчас тапки из будущего!

Саня, открыв рот от увиденного, краем глаза на периферии зрения заметил, что из кунга повалил дым, собираясь на крыше и вытягиваясь в спиралевидный столб. Рифат опять забодяжил кальян, как же не вовремя он замутил!

– Рифат, туши огонь, он к тебе идет!

Ответа не последовало, рация молчала, зато внутри будки раздалась нарастающая душещипательная музыка. Полилась песня «Роллинг стоунз», где натужный вокал Мика Джаггера громогласно повторял мантру Satisfaction. Циклоп не раздумывая повернул к Рифату, по дороге искалечив любимую уступчивую «газель» водителей, тяжелой поступью приблизился к заинтересовавшему его источнику звуков. Саня не решился стрелять из вагончика сторожа, расстояние казалось большим, да и бить нужно было наверняка, в упор, на перезарядку времени не останется. С проклятиями он ринулся к двери, намереваясь опередить непрошеного гостя, не дать ему расправиться с Рифатом, но открыть ее не успел. Оглушительный, жуткий рев заполнил округу, даже стекла в окне и посуда внутри вагончика задрожали, выплясывая звонкую кадрили. Причина задержки на поверку оказалась вполне банальной.

Женька, встряхнув затекшие руки и ноги, придав лицу устрашающее, героически-демоническое выражение, бросил монтировку в вагончик, надеясь таким образом привлечь внимание гиганта. Циклоп среагировал с быстротой молнии, повернувшись на звук летящего инструмента. Казалось, развязка наступит быстрее, чем предполагалось изначально, закончится поочередной шикарной резней недаленовидных глупцов, но в проеме кунга, в облаке дыма, из веселящих татарскую душу смесей, появился собственной персоной Рифат, с ломом-копьем наперевес. Томительное ожидание, секунда – и копые, по замысловатой траектории описав в воздухе дугу, смачно вонзилось в огромный зад зверюги.

– Это, сволочь, тебе, за Эдика и Жака! – услышал жесткое рифатовское пожелание чудищу Женька.

Рифат, конечно же, целил в глаз, но аэродинамика лома была настолько несовершенна, что не позволяла с точностью рассчитать полет по параболе, поэтому даже такое не лучшее попадание было встречено на ура. Кричал, по-суворовски победно, лишь Женька, неловко и некстати высунувшийся из-под надежно укрывавшего его грузовика.

Исполин, случайно раненный, наиподлейшим способом грузно опустился на колено. Разъяренный, кровоточащий зверь может сутками отбиваться от наседающих, алчущих удовлетворения охотников. Догадывался об этом и Саня, бегом мчавшийся к полю битвы. Нужно добить его побыстрее, пока не опомнился. Тамерлан, почуяв внезапно нагрянувшую победу, вырвался вперед на полкорпуса, стремясь прийти первым к финишу и гордо поставить мохнатую лапу на грудь поверженного врага. Извергая из пасти яростное рычание, циклоп пытался неумело вытащить постыдный лом, но куда там. Рифат вложил в этот чемпионский бросок всю мощь, на какую был способен, помноженную кратно на чудодейственный дым кальяна.

Наступил решающий, переломный в противостоянии людей и великана момент. Женька, потеряв остатки бдительности, радостно развесив уши, оказался на непростительно малом расстоянии от ревущего и подраненного зверя. Извиваясь пойманной в невод рыбой, гигант тяжело поднялся на ноги, с нечеловеческой силой принялся крушить попадающиеся на пути к кунгу автомобили. Битые стекла и скрежет рвущегося на части металла дополняли катастрофическую картину разрушений. Разбушевавшееся чудовище резко повернулось на тарзаный вопль Рифата, лом, исполнявший теперь роль своеобразного хвоста монстра, с размаху огрел блондинистую отважную голову Женьки. Если немного уделить внимание аэродинамическим характеристикам лома, его ламинарному течению, хорде и профилю, то предсказуемая, поддающаяся расчету траектория позволила бы вовремя оценить Женьке степень опасности и успеть принять единственно правильное решение для своего спасения. Поэтому уповать приходилось на чудо. Защитным буфером отработал подвернувшийся к месту и времени пес Тамерлан. Безрассудно разогнавшись до предела, в прыжке, целясь в заднюю часть ноги чудовища, вытянувшись в струну и приготовив к атаке клыки, он намеревался впиться в конечность, не давая циклопу очухаться. С бесшабашным собачьим остервенением Тамерлан решил разорвать толстенную ляжку ночного визитера, а потом, улучив подходящий момент, запрыгнуть наконец на его грудь для завершающего аккорда. Но переменчивая собачья удача неожиданно отвернулась от храброго пса. Затянувшийся полный отваги полет прервал внезапно появившийся из темноты увесистый двухметровый лом. Так вместе и рухнули оземь человек, с именем Евгений, да пес, по прозвищу Тамерлан.

Женька помнил удар, легкость, с которой ноги отрываются от стылой, ночной земли, прижатого ударом к голове мохнатого скулящего Тамерлана, заросшую пятую точку великана и даже лом, хвостом торчащий из нее, а вот падение и касание земной поверхности остались для него неразрешимой загадкой.

Санин выстрел пришелся в плечо монстра, пуля с тупым шлепком вырвала из плоти фонтанчик крови. Второй выстрел попал в грудь, отчего загнанный зверь сильнее осел на копьё. Он с трудом сохранил равновесие, но какой ценой! Лом углубился в чудовище почти на половину своей длины. Даже не рев, а раскаты грома пронесли по стоянке, заглушая музыку и крики. Хромая и сметая попавшиеся при отступлении автомобили, циклоп уходил к домам, оставляя за собой широкую кроваво-багряную полосу. Затрещали ветки, и старый тополь, падая, накрыл несколько машин, вой сработавших сигнализаций ознаменовал окончание боя. Преследовать циклопа не решились, разумно полагая, что по оставленным следам рано или поздно отыщут людоеда.

Женька лежал лицом вниз, без движения, кровь тонкой струйкой медленно стекала за ворот куртки, некрасиво подчеркивая и без того измазанные грязью светлые волосы. Пульс прощупывался, но непостоянный, с нитевидным ритмом, дыхание сбивалось и становилось неровным, рядом лежал мертвый Тамерлан, самоотверженно и нечаянно прикрывший своим телом человека. В кунге нашлась и аптечка, и дежурная «Тройка», укромно припрятанная Саней. То ли грамотная перевязка подействовала, то ли водка, нелицеприятно вылитая на голову, но Женька пришел в себя и первым делом осведомился о телефоне.

– Скорую тебе, Женька, нужно, а телефон найдем, не переживай! – Саня заканчивал бинтовать, периодически прикладываясь к лекарственной бутылке.

В это время Рифат вытащил на улицу сварочный аппарат и, кряхтя, сварганил из арматуры трезубец.

– Не надо скорую. – Женька осторожно ощупал рану на голове. – Так пройдет, лучше внутрь залей лекарство. Зуб теперь вставлять придется, а где этот мудака? Грохнули его?

– Ушел, зараза, но, думаю, недалеко. Сможешь идти или здесь останешься? – Саня перезарядил ружье, поминутно оглядываясь по сторонам.

– Пойду, конечно, – твердо сказал Женька, – поквитаться с ним нужно, – и, пошатываясь, пошел искать монтировку и дорогой сердцу телефон.

Глухой стук воткнутого в деревянный пол трезубца Рифата послужил сигналом для выдвижения в поход. След, легко различимый и в эту безлунную ночь видимый далеко впереди, как указатель, вел ребят за собой. Кусты вдоль тропинки сильно примялись, часть деревьев между стоянкой и развалинами оказалась сломана и повалена в беспорядке.

– Похоже, хреново ему, – с удовлетворением отметил Рифат, внимательно осматривая каждую пядь земли.

– Еще бы, такие ранения нанесли, другой на его месте сразу бы сдох. – Саня, пригнувшись, вел ребят по проторенной великаном дорожке.

На углу дома след обрывался, но на стене четко просматривались кровавые мазки страдающего гигантизмом в живописи художника-абстракциониста, по ним и вышли к въезду в подвал.

– В прошлый раз, когда наткнулись на бомжей, мне нужно было дальше пройти, может, и Жака живого бы нашли. Логово его, видать. – Рифат поудобнее перехватил трезубец.

Стараясь ступать как можно тише, постоянно ожидая коварного нападения, троица двинулась вперед.

Ух, уф, ух! Тяжелые меха несуществующей кузницы, не выбрав полного тона, заглохли, послышался паровозный свист, с более низким и протяжным окончанием. Саня украдкой выглянул из-за угла. В центре внушительного подвала с высокими потолками лежал, корчась от боли, циклоп, мордой вниз, массивные руки, потерявшие силу, судорожно скользили по каменному настилу, и только копьё-лом ритмично подрагивало в такт биению сердца. Огромные лужи крови окружали тело. Осторожно приблизившись, переступая на цыпочках, Саня понял: гигант повержен, тошнотворный запах гниения вызывал слезоточивость и кашель. Вокруг, среди наваленных куч мусора, проглядывались обглоданные кости и черепа животных, недоеденные куски мяса.

– Вот это да-а! – присвистнул Рифат, намереваясь пробраться вперед.

– Стой, куда! Нужны еще фонари. Женька, дуй обратно, заодно и прихвати тросы, у меня в кузове парочка имеется. Пока подходить к нему не будем! – скомандовал Саня, беря в прицел окровавленную башку зверя. Видать, ею по дороге еще хорошо приложился.

Вдруг раздался низкий, гортанный голос.

– Слышь, Рифат, это он говорит. – Саня показал пальцем на великана.

– Никак, разумная тварь? На арамейском, похоже, базарит, – добавил Рифат, прислушиваясь и пытаясь разобрать слова.

– Какой язык, не понял? – удивился Саня, выражая своим видом крайнюю заинтересованность.

– Трудно разобрать, древнее наречие, такого и не слышал. – Рифат чиркнул зажигалкой и прикурил сигаретку. – Родители преподавали иностранные языки в университете Казани, с детства и пичкали подряд разной шнягой. Папа приговаривал, что с малых лет хорошо усваивается не только пряник, но и кнут. Порол ремнем регулярно.

– Подожди, так ты полиглот? – Саня недоверчиво покосился на друга.

– Не матерись, знаю несколько языков, но со временем начинаю забывать, практики же нет. – Рифат поднес зажигалку Сане, давая ему тоже прикурить.

– Не пойму, зачем тогда работаешь водителем? – не отставал с расспросами Саня, уважительно округляя глаза.

– Заветная мечта детства! Предки таскали по кружкам, заставляли зубрить языки, а мне хотелось сесть за руль большегруза и уехать от них куда-нибудь подальше, чтобы не нашли. Ночью только и удавалось поиграть с самосвалом. В общем, теперь не общаемся.

– Ну, это зря. Переживают, наверное, позвони сам, поинтересуйся здоровьем, им будет приятно, поверь. А вот и Женька. – Саня, собираясь помочь вернувшемуся гонцу, кивнул Рифату, мол, присматривай за циклопом.

Запыхавшийся, но довольный Женька весело спросил:

– Как пациент, жив?

– Живой пока. Он, оказывается, разговаривает на древнеармейском, – многозначительно поведал Саня, ища поддержку у оказавшегося весьма мудрым Рифата.

– На каком древнеармейском? – Женька тихонько загоготал, прикусив зубами развязавшийся отрез бинта.

– Рифат так сказал, он немного его понимает, – невозмутимо ответил Саня, разматывая трос, – помоги лучше, сейчас начнем вязать.

Рифат силился понять, о чем мычал повергнутый враг, иногда повторяя за ним реплики и отдельные слова.

– Ну, чего выведет? – спросил у Рифата Саня. – Сейчас эту Годзиллу окольцуем.

При свете мощных фонарей работать получалось быстрее.

– Мужики, смотрите! – внезапно выкрикнул Женька. – У него по шесть пальцев на руках и ногах.

– Значит, запарится «фак» показывать. – Саня деловито набросил петлю на ногу гиганта. – Женька, посвети.

Тросы прикрепляли крюками к стене, руки фиксировали жестче ног. Рифат присел рядом с головой циклопа, не переставая делать попытки найти с ним общий язык:

– Просит называть его Орн, рода нефилимов. Вроде так перевод, хотя могу и ошибиться, сложно понять некоторые звуки.

– Они же мифические существа, вымерли давно? – Без отсутствующего зуба Женька произнес фразу нараспев, с очень смешным интервалом, по-детски. – Узнай у него, Рифат, по поводу Ноя?

– Женька, не лезь. Спроси, Рифат, какого черта он тут делает, и есть ли еще такие же подонки поблизости? – Саня осматривал сквозную рану в плече зверя. – Насквозь – хорошо, быстрее заживет. По идее, его шить нужно, а вот лом из задницы доставать ни к чему, без врачей только навредим. Ловко, однако, его завалил, красиво, на охоте так не получается.

– Саня, он говорит, что про других не знает, где находятся. В какой-то праздник, перевести не могу, выбирают по определенным параметрам, и братья-духи перевозят их в капсулах, что ли, на Землю. Женька, помолчи, пожалуйста. Они верят, что скоро придет повелитель Вселенной, и каждый из рода должен приготовить это появление жертвоприношением.

– Не местные, разве что из космоса. А откуда он, узнай точнее, и сколько их вообще? – Саня присел рядом с Рифатом. – И про повелителя выведай, а то, может, на орбите Земли флот их звездный стоит, а мы ни слуху ни духу.

Женька снимал на телефон происходящее, особое внимание уделяя селфи на фоне копья.

– Не поверят, скажут, что фотошоп!

– Саня, он говорит, что его планета от звезды, Солнца значит, четвертая по счету.

– Это Марс! – со знанием дела вставил Женька, выстраивая фонари для лучшего падения света при съемке.

Рифат удивленно посмотрел на друга, переваривая умные слова, вылетающие изо рта блондина:

– Народу у них немного, сто десятков, тысяча значит, живут в пещерах, там можно дышать и есть вода. Одеваются... вот здесь не могу перевести... в мешки. Ну, пусть будут мешки, когда выходят на поверхность. Так, про Повелителя. Он придет сюда, на Землю, править миром, но когда – не знает. Спрашивает, как с ним поступим?

– Скажи ему, что сдадим в зоопарк или в цирк. На Земле грехи искупаются трудом и постом. Посадим на овощную диету, мясца, наверное, наелся на годы вперед, – ехидно ответил Саня. – А братья-духи – кто такие?

Рифат, как мог, объяснял гиганту смысл слов, используя и язык жестов. Выслушав его, уточнял значение словосочетаний, после чего переводил:

– Как рассказывал старший род, братья-духи пришли на Землю в те времена, когда здесь обитало всего два человека. Два, обалдуй? – знакомую фигуру, из пары пальцев, напоминающую английскую «V», Рифат сложил в непосредственной близости от огромного глаза циклопа. – Они не раз спасали его народ, а когда пришла большая вода, часть прародителей подняли к небу и перенесли на Марс. Получается так, если правильно перевел.

– Еще и старший род, – задумался Саня, – а эти одноглазые камбалы, значит, у тех в холуях?

– Младший род подчиняется старшему. – Рифат передохнул, вытирая ладонью выступивший на лбу пот. – Они древнего происхождения, очень мудры, выше ростом и двуглазые. Повелитель даст нефилимам бессмертие и власть над людьми, как было предсказано их пророком.

– Пророки и тоже без Отечества? – Женька, не останавливаясь, менял позы для фотоснимка, не решаясь выбрать подходящую по стилистике.

– Власть им подавай, пусть лом из задницы вытащит для начала, а то Повелитель не примет такую позорную смерть, – сплюнул Саня, прислушиваясь к звукам снаружи. – На вертолет похоже. Женька, хватит фоткать, сходи посмотри, кто громыкает, а то рассветет скоро, пора ментов вызывать.

Не успел Саня закончить фразу, как в проход, к Женькиным ногам, выкатилась граната, выпуская клубы белого густого дыма.

– Ложись! – только и успел прокричать Саня, падая вместе с Рифатом.

Подвал быстро заполнялся удушливым газом, рассудок мутнел, не прекращающийся сухой кашель выворачивал внутренности. Плотная стена дыма на мгновение разверзлась, из тумана появились люди в масках. Несколько секунд – и боль в суставах от заломленных назад рук потихоньку пошла на спад. Тычками и пинками Саньку, Женьку и Рифата вывели из подвала и положили лицом вниз, к фарам закамуфлированного уазика. Так они лежали минут десять, пока на площадку перед домами на посадку не зашел второй вертолет, который кружил невдалеке.

– Ну, алкоголики, поди, больно? – Участливый женский голос выдал незабвенную Настасью Петровну. Сейчас освобожу, только, чур, не дергаться, а то парни серьезные, не любят резких движений.

– Суставы вывихнули. Куда денешься-то, – дружно забубнили ребята.

– Вон, видите того мужичишку в клетчатом пиджаке, с бородкой козлиной? Поговорить с вами хотел. – Настасья Петровна махнула кому-то рукой. – Мы же этого гада вычислили еще до убийств на стоянке. Проворный оказался, сторож колхозного поля снял его на камеру телефона. Он при свете луны, не стесняясь, разгуливал по грядкам. Повадился, говорит кто-то, урожай тырить, траву выбрасывал, ел только корешки, а потом гадил, оставляя после себя огромные горы, видимо, не впрок ему наши овощи. Конечно, не верили долго, смеялись над мужиком, но видео есть, фиксация преступления присутствует, нужно было реагировать. Под-

ключили ФСБ, а вы чуть не завалили плановую операцию по задержанию. С утра хотели его брать. Не пойду, Санька, за тебя замуж, несерьезный ты человек.

– Вроде и не звал, – искоса взглянув на участковую, неуверенно произнес Саня.

– Поговори еще. Возьму и передумаю, нарожаю детишек, будешь в поте лица добывать хлеб насущный, может, и остепенишься. Чего ржете, кони? К наркологу, Рифат, поедешь у меня, и без справки не возвращайся, загрызу. Ну а ты, Один, чего развеселился, думаешь, обойдет истинных арийцев кара небесная? Пропишу, пожалуй, сто пятьдесят часов принудительных работ, помахает веничком-то да мусорок по отдельности посортируешь. Вот вы где у меня! – Кулачок Анастасии Петровны проплыл лебедушкой над лежащими на земле друзьями.

Приблизился плюгавого вида мужик.

– Удивительно, уму непостижимо, господи! Взмылин, профессор Взмылин, – представился он, приседая и здороваясь за руку с каждым из ребят, радостно заглядывая в глаза. – Признавайтесь, добры молодцы, это вы одолели супостата? Отменный экземплярчик! Любодорого посмотреть, выражаю благодарность от имени ученого совета Академии наук.

– Посущественнее благодарности не предусмотрено, профессор? – Саня наивно приподнялся на локте.

– Гавкать команду не давала, – сказала Анастасия Петровна и выразительно посмотрела на Саню. – Пойдемте, профессор, провожу вас до объекта.

– Голубушка, подождите, пожалуйста, парочка вопросов осталась.

Держась за животы и чуть не падая от смеха, из подвала выползали бойцы спецназа. Недоуменно их оглядывая, Взмылин обратился к ребятам:

– Он же говорит. На каком языке?

– Рифат спокойно с ним общался. – Саня повернулся на правый бок, потирая затекшие руки и приняв важный вид, выдал на-гора: – Это древнеармейский.

– Как, простите, древнеармейский? – переспросил, сдвинув очки на кончик носа, Взмылин.

– Ну да. Древний и забытый язык.

Подошла очередь конвульсивно биться в истерике профессору. Бациллы хохота переметнулись на Настасью Петровну и ребят, не желавших из опасения быть вновь побитыми подниматься в полный рост, а также на солдат, стоящих в охранении. Смех оглашал окрестности. Немного успокоившись, Саня поднялся на ноги, отряхнувшись по-быстрому от грязи, твердой походкой направился к командиру спецназа. Судьба ружья волновала Санькино нутро, но рокот работающих лопастей вертолета заглушал предметный диалог.

– Саня, смотри, Жак бежит! – Женька заорал что есть мочи. – Джакомо, где ты был, родной?

Жак, прорываясь сквозь цепи солдат, летел к Сане, прижав уши, безостановочно лая. Грязный, в репье и сильно исхудавший, он мчался галопом к хозяину. Саня даже не успел до конца повернуться, как получил в объятия прыгнувшего ушастого четвероногого друга. От неожиданности, а больше от радости, оба повалились на землю, чем вызвали новый взрыв хохота...

Глава 9

В кабинете местного начальника ФСБ проводили инструктаж о неразглашении государственной тайны. После нудной беседы вежливо рекомендовали ребятам подписать озвученные ранее настойчивые пожелания.

– Теперь вы свободны. Советую с пониманием отнестись к услышанной здесь информации и, разумеется, держать язык за зубами. – Полковник поднялся из-за стола. – Пойдемте, провожу через пост охраны...

Уже стемнело, целый день друзей мурыжили, по несколько раз просили рассказать о прошедших событиях, дотошно расспрашивая о роли и действиях каждого из троицы в этом кошмарном инциденте.

– Даже не покормили. – Саня уверенно шагнул по главной улице города.

Звездная россыпь игриво перемигивалась с тоскливой луной, угрюмо выглядывающей из-за редких облаков.

– Марс-то над нами! – ляпнул вдруг Женька, аккуратно поправляя на голове чистый бинт. Ребята остановились и уставились в вечернее небо, пытаясь его найти.

– Где точнее, знаешь? – Саня закрутил головой.

– Сейчас найдем. – Женька несколько минут потратил на поиски нужного сайта в телефоне, затем поднял его вверх, сравнивая звездное небо с картой в гаджете. – Вон он! – Рука Женьки твердо указала направление.

– Не красный вовсе. – Рифат, приблизившись к Женьке, по руке ловил выделенный участок неба.

– Красный он, даже кроваво-красный! – Саня смотрел, не мигая, на далекую планету.

Так и застыли на месте замороженные открывшимся звездным миром друзья...

Часть вторая

Подготовка к полету

Глава 1

– Владилен Владиленович, Америки больше нет!

Президент слегка вздрогнул, но продолжал неподвижно стоять у карты Сирии, не оборачиваясь. Лишь наклонился, пристально разглядывая область границы с Израилем.

– Кстати, Сергей Кожемякович, – после небольшой паузы наконец повернулся он и уверенным шагом направился к министру обороны, – ваши шутки иного могут довести и до инфаркта. Не спорю, остро, порой и злободневно иронизируете, но аккуратнее нужно обходиться с фразами политического оттенка. – Президент протянул руку и радушно улыбнулся. – Напомните, пожалуйста, сколько лет уже с вами работаем? Вот видите, как летят года, не устали? Давайте перейдем к делу, с чем пожаловали?

Министр, как и положено военному человеку, пропустил вперед президента и на некотором удалении проследовал за ним к рабочему столу. На зеленое сукно легли несколько листов бумаги, извлеченные из красной папки довольно большого объема, на каждом красовался гриф «Для служебного пользования» либо «Совершенно секретно».

– Докладываю. По данным разведки Генерального штаба, в ближайшее время, прошу прощения, сроки уточняются, возможно вторжение на территорию Российской Федерации инопланетной цивилизации, предположительно с Марса.

– Во как! – Президент крикнул от удовольствия, придав правой брови треугольную форму. – За время, прошедшее с начала встречи, вы умудрились уже два раза пошутить. Хорошая тенденция, Сергей Кожемякович, благодарю за позитивный настрой.

При плотном рабочем графике главы государства, когда и поспать удавалось только урывками, психологическая разрядка была просто необходима. Нескончаемой вереницей тянулись совещания, встречи, перелеты, поэтому хорошему юмору находилось место, впрочем, как и доброму слову.

– Посмеялись и хватит, пора за работу приниматься.

– Владилен Владиленович, не думал даже шутковать. В моих руках данные аналитического отдела, записки и фото о случаях появления так называемых НЛО, видео, фамилии свидетелей и их показания, результаты перехвата каналов связи с искусственных спутников Марса, в частности «Марс Орбитер» Европейского космического агентства.

– Подождите, если это правда и они скоро нападут, то при чем здесь Россия? Земля большая и круглая, не пойму, почему, например, им не вторгнуться в Гондурас?

– Полная картина еще не сложилась, простите за аллегорию, товарищ главнокомандующий, сопоставил кое-чего, ну и того, малость подумал. Эти фейковые отравления, химатаки, хакеры, Балтийские страны, санкции, наконец, не пролетят мимо никак, по теории вероятности, обязательно на нас остановятся, да и Россия по площади самая большая страна на планете.

– Безупречная логика! – Президент поднялся из-за стола, бросив кому-то, ожидающему указаний, за картой Сирии: – Срочно вызовите директора ФСБ и соберите на совещание членов Совета безопасности.

Глава 2

Зима на Урале нынче не та, какой помнили ее старожилы. Снега мало выпадает, морозы редкость, если и случаются, то день-два, потом опять слякоть, а когда-то, лет двадцать назад, мело с такой силой и выюжило, что аж шедшие утром на работу граждане выстраивались в цепочку, рядом не получалось, боялись нечаянно угодить в сугроб и остаться там незамеченными. Кругом валялись птицы замерзшие, бывало, возьмешь ее в руки, не шевельнется, отнесешь поближе к теплотрассе, на заиндевевший, канализационный люк положишь, отойдет, задвигает крылышками, защебечет, но кошки ведь не дремлют, тоже кушать хотят и греться. Судьба, не уйдешь от нее! Деда поговаривали, что птахи порой на лету замерзали и падали оземь, уже с остекленевшими глазами. Снегирей опять же теперь нет, а как красиво выглядели, на белом фоне красные пятна...

Саня поглядел в правое зеркало автомобиля, завершая по правилам обгон еле тащившегося троллейбуса. Старый грузовик, погромыхая, резво набрал скорость и понесся по улицам города, оставляя за собой хвост из грязи и узкую колею с относительно чистым асфальтом. Троллейбус, похоже, тоже поднажал, даже не думая отставать, как прилепленный, повторяя маневры за Саней. Головушку посетила дурацкая мысль, мол, троллейбус от слова «тролль», значит, как минимум, перевозит троллей, или злобные эльфы запустили их в город, дабы посеять среди добропорядочного населения страх, а затем набить людьми до отказа полный салон и вывезти в укромное место для расправы.

Холодная испарина покрыла неожиданно сморщившийся от таких специфических раздумий лоб Сани. Резко вывернув руль, не снижая скорости, он с хорошим, размашистым дрифтом ушел на второстепенную дорогу. Линии электроподачи троллейбусам остались позади, а сам троллейбус? С содроганием Саня заставил себя посмотреть в зеркало заднего вида. Но троллейбус проехал мимо, немного сбавил скорость перед поворотом, будто размышляя о дальнейших действиях, и как ни в чем не бывало плавно подъехал к остановке. Какая ерунда, мерещится всякое, брр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.